

Кафедра:
современные партийные системы

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ НОВАЦИИ В ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМАХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Ю.Г. Коргунюк

*Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Фонд «Информатика для демократии»,*

И.Н. Трофимова

Институт социологии РАН,

Ю.В. Ирхин

*Российский государственный гуманитарный университет,
РАНХиГС при Президенте РФ,*

А.В. Белинский

Институт научной информации по общественным наукам РАН,

А.М. Гришина

Институт научной информации по общественным наукам РАН,

Н.А. Борисов

Российский государственный гуманитарный университет

Аннотация: *Статья посвящена анализу изменений, произошедших с институтом политических партий в международном масштабе. Рассматриваются такие предметы, как влияние тенденций современного развития на идеологию и функции социал-демократических партий; проблемы стран Запада, связанные с выходом на сцену интернет-партий вообще и «пиратских» партий в частности; изменения политического пространства ФРГ в результате последних выборов в Бундестаг (2013) и задачи, поставленные тем самым перед партиями страны; направление эволюции партийных систем Казахстана и Российской Федерации, сходство и различия этих эволюций и т. п.; соотношение трансформации партийного и избирательного законодательства Украины и политической ситуации в стране.*

Ключевые слова: *партийные системы зарубежных стран, институциональные инновации, ФРГ, Казахстан, Российская Федерация, Украина.*

Партийная реформа 2012–14 гг. и ее последствия актуализировали внимание политологов к теме взаимовлияния между формальными и неформальными институтами (законами,

устоявшимися правилами игры и практиками), с одной стороны, и конфигурацией политического пространства, с другой.

Изменение институтов — «рукотворное» дело. Можно принять любой закон, «поправить» его или отменить, но это не значит, что таким образом удастся легко и быстро изменить политическую реальность. Развитие институтов имеет собственную логику. Их появление, трансформация и уход со сцены — следствие эволюции определенных «общественных договоров». Именно поэтому попытки перетасовывать законодательство ради извлечения краткосрочных выгод чреваты возникновением в будущем серьезных проблем для общества в целом. Даже если основная часть зрителей не выражает недовольства такой «ловкостью рук», это не означает, что новая юридическая норма рано или поздно не вступит в противоречие с глубинными принципами, лежащими в основе действующих «правил игры».

Вместе с тем само по себе изменение институтов — процесс естественный. Они по своей природе не могут не меняться, поскольку не только управляют отношениями между людьми, но и сами ими формируются. Изменение сути этих отношений неизбежно влечет за собой трансформацию институтов. Даже когда никто не перестраивает институты целенаправленно, они перерождаются стихийным образом — в качестве реакции на происходящие в обществе изменения.

Все это относится и к политическим партиям, равно как и их институциональной среде: выборам, органам власти, общественным и политическим практикам. Для обсуждения связанных с этим проблем 18 апреля 2014 г. была проведена конференция «Партии и их институциональная среда: новации, традиции, тенденции», организаторами которой выступили факультет истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета, а также Исследовательский комитет по сравнительному изучению партийных и избирательных систем Российской ассоциации политической науки.

Данный цикл статей является плодом коллективного труда участников конференции. В нем предпринята попытка обобщить различные аспекты взаимосвязей между реформой 2012–14 гг. и изменениями в партийной системе страны. Под партийной реформой в данном случае понимается сложный комплекс мероприятий реформистской и контрреформистской направленности, включающие не только внесение поправок в закон о партиях, но и те изменения в избирательном законодательстве, которые непосредственно повлияли на состояние партий и партийной системы (освобождение партий от сбора подписей на выборах 2012 г., возврат к сбору подписей в 2014 г., «закон Клишаса» и т. п.).

Эта статья посвящена анализу изменений, произошедших с институтом политических партий в международном масштабе. В ней рассматриваются такие предметы, как влияние тенденций современного развития на идеологию и функции социал-демократических партий; проблемы стран Запада, связанные с выходом на сцену интернет-партий вообще и «пиратских» партий в частности; изменения политического пространства ФРГ в результате последних выборов в Бундестаг (2013) и задачи, поставленные тем самым перед партиями страны; направление эволюции партийных систем Казахстана и Российской Федерации, сходство и различия этих эволюций и т. п.; соотношение трансформации партийного и избирательного законодательства Украины и политической ситуации в стране.

Институциональные новации в партийных системах зарубежных стран

Институциональные изменения партий и партийной системы происходили в последние годы не только в России, но и во многих других странах, включая как «старые» демократии, так и новые независимые государства. Менялось законодательство, исчезали старые и появлялись новые игроки, теряли власть правящие партии и приходили к власти оппозиционные.

Ведут ли эти изменения к появлению новых типов партий и партийных систем? Какие факторы влияют на данный процесс — особенности нормативно-правового регулирования,

характер избирательных систем, специфика партийных стратегий, идеологические трансформации, внутренние структурные преобразования? Каковы причины расхождений в траекториях партийной эволюции? В статье представлены попытки ответов на эти вопросы.

В этом ключе рассмотрены перспективы современной европейской социал-демократии; феномен интернет-партий; трансформация партийной системы в ФРГ после выборов в Бундестаг (2013); особенности развития партийных систем Казахстана, России и Украины в контексте трансформации политических режимов.

Выбор объектов анализа определялся необходимостью представить репрезентативные случаи: «старая» демократия ФРГ и новые независимые государства; конкурентная многопартийная система и системы с доминирующими партиями; традиционные европейские социал-демократические партии и интернет-партии как качественно новое явление. Иначе говоря, внимание уделено и трансформации партийных систем современной Европы в результате появления новых идеологических течений и типов партийных организаций, и анализу причин укрепления в Казахстане и России систем с доминирующей партией, и фрагментации украинской партийной системы, складывающейся на обломках распавшейся системы с протодоминирующей партией.

Современная социал-демократия: в поисках «третьего пути»

Предметом настоящего исследования является эволюция социал-демократической теории и практики в контексте изменения принципов, способов и форм демократического представительства и участия. Речь идет прежде всего о европейской социал-демократии, имеющей как что-то общее для всех стран, так и нечто особенное в каждой. Основное внимание обращено на способ представительства интересов различных социальных групп. Более конкретно центральный вопрос исследования можно сформулировать следующим образом: насколько актуальны широкое представительство интересов и политическое участие в условиях экспансии современных технологий управления обществом.

Возникновение социал-демократии как самостоятельной политической силы относится ко временам «буржуазных» революций 50–60-х гг. XIX в. Именно тогда социал-демократия взяла на вооружение принцип свободы, являющийся, по сути, принципом «буржуазного» правового государства. Начиная с 1870-х гг. европейская социал-демократия развивалась как реформистская альтернатива революционному социализму. Важным было то, что она позиционировала себя не просто как выразитель интересов трудящихся, но и как способ их политической идентификации и политического участия. При этом социал-демократия воплощала взгляд на демократию как на эффективный способ движения к социализму [Przeworski 1986: 16].

Ключевыми моментами в развитии социал-демократии были Первая мировая война и революция в России; объединение различных политических сил в борьбе против фашизма; годы холодной войны, когда социал-демократия рассматривалась как альтернатива одновременно капитализму и социализму. Расцвет ее пришелся на 60–70-е гг. XX в.: именно тогда социал-демократические партии пользовались поддержкой большинства населения, например, в Австрии и Швеции.

Переломным периодом в дискуссии о перспективах социал-демократии стал рубеж 1980–90-х гг., отмеченный падением популярности социалистических идей и отождествлением социализма с централизованным бюрократическим государством и тоталитарным режимом. Социал-демократы теряли доверие на фоне распространения философии свободного рынка и падения социалистических режимов в Восточной Европе и СССР. Хотя их позиции в Австрии, Бельгии, Германии, скандинавских странах были традиционно сильны, исследователи все чаще говорили о «болезни и смерти» социал-демократии, а дискуссии о ее будущем были отмечены печатью разочарования [Giddens 1998: 154].

Однако на рубеже XX–XXI вв. произошел своего рода ренессанс социал-демократии, подтверждением чему стали победы соответствующих партий на парламентских выборах во Франции (1997), Германии (1998, 2002), Испании (2004, 2008), Болгарии (2005), Венгрии (2006), Португалии (2009), Греции (2009). Свою роль в этом сыграл и мировой финансово-экономический кризис 2008–09 гг.: сокращение государственных расходов на социальную сферу вызвало широкую волну протестов. В 2009 г. во Франции восемь наиболее крупных профсоюзов организовали общенациональную забастовку, участники которой требовали принять меры для защиты наемных рабочих и служащих от последствий кризиса. Забастовки и общенациональные акции протеста против политики «затягивания поясов» прошли в Греции, Италии, Бельгии, Румынии и других странах.

В настоящее время идеи социал-демократии находят воплощение в деятельности многих общественных и политических движений. Наибольший интерес в этом смысле представляет концепция социальной демократии, интерес к которой обусловлен поиском путей преодоления слабых сторон общей демократической концепции. Как идеология и политическое движение социальная демократия наследует традиции социал-демократии и является альтернативой консерватизму и либерализму. В то же время она является теоретической моделью, представляющей картину того, как нормы и ценности демократии трансформируются в основные права человека и каким образом последние реализуются в различных странах. Даже ее критики признают, что сегодня социальная демократия является наиболее популярной разновидностью социализма, которая ставит целью выравнивание социальных возможностей [Уэрта де Сото 2008].

Современная социал-демократия подчеркивает свое отличие как от социализма и либерализма, так и от своих же более ранних версий. Основное внимание по-прежнему отводится партийной организации и сотрудничеству с профсоюзами, однако классические партии социал-демократии постепенно превращаются в «посреднические» структуры, агрегирующие интересы и ценности различных гражданских групп, ассоциаций и организаций. Такое посредничество помогает рационализировать и стабилизировать конфликты интересов и управлять ими в течение длительного времени.

Однако сегодня партии все меньше рассчитывают на построение новых устойчивых каналов коммуникации между гражданским обществом (в т. ч. профсоюзами) и политической системой. Структурные изменения в обществе и публичной политике оставляют все меньше возможностей для опоры на базовые демократические ценности, в том числе социальную справедливость, вынуждая партии не расширять социальную базу, а совершенствовать институциональные методы политической борьбы.

Растущая сложность современного общества и связанная с этим необходимость нового понимания демократии отмечена многими исследователями [см.: Кин 2001; Хайек 2006; Дзолло 2010; Крауч 2010 и др.]. Скептическое отношение к перспективам демократии связано с особенностями постиндустриальной парадигмы: усложнением социальной жизни, размыванием смысла основных ценностей демократии, диффузией идеологических постулатов. На смену твердым универсальным принципам общественного устройства приходит плюрализм социальных пространств, регулируемых достаточно условными критериями. Наряду с тенденцией к автономизации и индивидуализации социальной жизни растет взаимозависимость различных ее сторон, принимающая форму полицентризма. Иерархия сменяется диффузией.

Проблемы современного общества требуют адекватных их сложности решений, компетенции и ресурсов. Сегодня управление общественными процессами требует умения оперировать многими переменными, открытости управленческой среды, доступности информации. С одной стороны, это актуализирует элитистские подходы к демократии, с другой — современные теории публичного управления предполагают самое широкое участие граждан в принятии решений. Все это ставит на повестку дня вопрос об изменении подходов к реализации базовых ценностей демократии и основных гражданских прав.

Э. Гидденс в числе главных тем повестки дня современной социал-демократии упоминает глобализацию, индивидуализацию, взаимоотношения правых и левых, «политическое агентство», экологию. Э. Лавелль считает, что угрозы экологической катастрофы, войны, терроризма, нарастание неравенства между богатыми и бедными предъявляют к левым все более сложные требования: социал-демократия, отстаивая социальные права граждан, должна соединить свои традиционные ценности с ценностями современного общества. Исследователи говорят о новых социал-демократах, политическая программа которых подразумевает критику современного общества, создание концепции лучшего общества и, наконец, определение путей перехода от старого общества к новому, лучшему [Fitzpatrick 2003: 12].

Большинство авторов помещает современную социал-демократию в пространство между либерализмом и социализмом. Так, Дж. Кин подчеркивает взаимообусловленность демократии и социализма. Задачу соотношения демократии и новой социальной реальности он предлагает решать через разграничение сфер компетенции государства и гражданского общества и одновременно через взаимодействие между ними.

В понимании Д. Дзоло суть «постдемократии» заключается в уходе от крайностей XX в. — этатистской модели социализма, с одной стороны, и синдикализма и иных форм либертаризма, с другой. Если Дж. Кин делает акцент на взаимодействии государства и гражданского общества, то центральной темой работ Д. Дзоло является взаимоотношение демократических институтов. Дзоло ставит под сомнение фундаментальные предпосылки демократической теории и ее основные постулаты — участие, представительство, конкурентный плюрализм. По его мнению, демократические процедуры абсолютно непригодны для сокращения экономического и социального неравенства. В связи с этим он предлагает вовсе отказаться от поиска общего блага. По мнению Д. Дзоло, представительские функции в современном обществе выполняются самим процессом разделения труда и функциональной дифференциацией. Реализация постдемократии, на его взгляд, возможна через конституционализацию политических партий, разделение властей и учреждение коммуникативной демократии.

Сегодня представители различных идеологических течений и направлений стремятся к обновлению традиционных постулатов. Например, П. Готфрид говорит о перспективах неомарксизма в контексте современного мультикультурализма. Ф.А. фон Хайек предлагает отказаться от крайнего рационализма в либерализме — «нетерпимого и неистового либерализма» — и видит его будущее в объединении с христианскими ценностями [Хайек 2009: 291].

Европейские социал-демократические партии уже не являются избирательными объединениями рабочего класса. Как отмечает П. Готфрид, они сохраняются скорее как часть более широкой группировки на левом фланге. То же можно сказать и о ближайших союзниках социал-демократии — профсоюзах. В 1990-е гг. их численность в Европе заметно снизилась, они оказывают все меньшее влияние на правительства своих стран. В результате политические различия между правыми и левыми размываются, сводятся к мелким деталям, становятся едва различимыми.

Таким образом, дискуссия выявила самые разные модели современной демократии — от технократических до предусматривающих активное политическое участие со стороны граждан. Обобщая эти подходы, можно сказать, что ключевой характеристикой демократии является способность правительства постоянно реагировать на предпочтения граждан, рассматривая их как равных себе в политическом отношении. Эта способность должна быть обеспечена правом граждан формулировать и выражать свои предпочтения и отсутствием дискриминации по признаку содержания или источника этих предпочтений.

Наиболее развернутое видение перспектив социал-демократии предложено Э. Гидденсом, сформулировавшим концепцию «третьего пути» в условиях глобализации [Giddens 1998: 64].

Само понятие «третьего пути» между социализмом и капитализмом возникло после прихода к власти в Великобритании лейбористов во главе Т. Блэром (1992). Концепция «третьего пути» сохраняет в качестве стержня идею социальной справедливости. Равенство и свобода могут конфликтовать, но могут и содействовать друг другу. В понимании социал-демократов свобода подразумевает автономию действий широких социальных слоев. Отвергая коллективизм, «третий путь» ищет новые отношения между индивидом и обществом. Ключевым пунктом политики должна стать семья, которая, по мнению Э. Гидденса, является точкой пересечения основных тенденций в развитии общества в целом и отношений между личностью и обществом в частности. Что касается социальной базы, то сегодня социал-демократия борется за политический центр и голоса среднего класса.

Т. Фитцпатрик связывает развитие социал-демократии с активизацией социальных движений. Он формулирует парадокс взаимообусловленности демократизации и социального равенства, который должен решаться через различные формы коллективного действия и политическую мобилизацию, ориентированные на реформу социальной политики и системы благосостояния, — в результате это должно привести к тому, что равенство демократизируется, а демократия эгалитаризируется [Fitzpatrick 2003: 92]. Аналогичного подхода придерживаются также Т. Мейер и Д. Хинчман, по мнению которых именно современная социал-демократия способна создать условия для эффективной демократии. В целом социал-демократическая концепция конвергенции капитализма и социализма носит пока достаточно формальный характер и не выходит за рамки известного парадокса Й. Шумпетера: рыночная система, будучи лучше всех прочих, тем не менее обречена, тогда как социализму, пока еще не способному выполнить свои обещания, принадлежит будущее.

Наиболее перспективным и компромиссным представляется концепт социальной демократии, конкретизирующий взаимосвязь и противоречия между основными демократическими моделями. С одной стороны, социализм и демократия не могут существовать друг без друга. Вместе с тем демократия остается слабой и нестабильной, если при формальном политическом равенстве сохраняется фактическое неравенство, а среди граждан нет согласия относительно того, что такое справедливость и как ее достичь. Теория социальной демократии предлагает объяснение сложных взаимосвязей между легитимностью, эффективностью и стабильностью [Meyer, Hinchman 2007: 1]. Дело в том, что демократические права и нормы, в том числе зафиксированные в международных пактах и национальных конституциях, не всегда и не полностью могут быть реализованы в конкретных условиях каждой страны. Теория социальной демократии как раз и описывает условия, обеспечивающие легитимность, эффективность и стабильность современной демократии. Одним из этих условий являются государственные и общественные институты, основанные на универсальных базовых ценностях демократии. Демократия может потерять почву под ногами, если будет пониматься только как набор институтов и не предполагать гражданского участия. Делегативная демократия и пассивность граждан делают государство ущербным и лишают его легитимности.

Теория социальной демократии тесно связана с либеральной концепцией. При прежних подходах демократия и фундаментальные политические права как бы отделялись от институтов рынка и частной собственности. Социальная демократия, напротив, настаивает на том, что гражданские права должны распространяться также на экономическую и социальную сферу. Если либеральная демократия делает акцент на экономической свободе, то социальная демократия — на социальной безопасности и справедливости. Социальный порядок, регулятивная и дистрибутивная политика современного демократического государства должны соответствовать как либерально-демократическим, так и социально-демократическим ценностям [Meyer, Hinchman 2007: 3].

Таким образом, социальная демократия связывает демократические нормы и ценности со способами их реализации — институтами, форумами, политиками, каналами участия и пр. — в условиях структурных рисков, свойственных современной экономической и соци-

альной жизни, тогда как либеральная демократия рассматривает социальные права как переменные, не подлежащие законодательной фиксации. Отсюда и принципиальное различие между ними в понимании смысла демократического участия.

Связь между уровнем развития демократии и степенью социальной защищенности граждан является предметом многочисленных эмпирических исследований, ранжирующих страны и политические системы по степени их демократичности. Критерий социальной эффективности особенно важен для исследования режимов в новых демократиях. «Старые» демократии демонстрируют высокое качество жизни. Для нашей страны характерно сочетание недостаточного развития институциональных основ демократии и невысокого качества жизни. В рейтинге стран по индексу институциональных основ демократии Россия занимает 93 место (5,24 балла из 10 возможных), а в рейтинге качества жизни — 73-е (2,68 из 10) [Политический атлас современности... 2007: 232–233]. Исследователи называют разные причины этого: историческое наследие, особенности современного государственного строительства, внешние вызовы и угрозы.

Итак, проблемы социал-демократии в современных условиях связаны прежде всего с идейно-организационной идентичностью. Усложнение общественной жизни, растущее разнообразие социальных проблем привели к росту неопределенности в понимании основных ценностей демократии, диффузии идеологических постулатов. Базовые принципы – свобода, равенство, братство — становятся все менее универсальными и устойчивыми и все более условными. Изменение социальной базы социал-демократических партий привело к расширению их посреднических функций, необходимости учета интересов и ценностей самых разных гражданских групп, ассоциаций и организаций. В свою очередь, многообразие и конкуренция социальных потребностей приводят к тому, что приоритет в организации демократического процесса и реализации базовых социальных прав граждан отдается государству.

Успехом социал-демократии можно считать то, что ее идеи выдержали проверку временем и в определенной мере были восприняты другими политическими движениями, в том числе либеральными и консервативными. Перспективы же ее, судя по всему, лежат в сфере институционализации партнерских отношений со всеми субъектами социальной политики — не только традиционными, такими как профсоюзы, но также и с государством, идеологическими оппонентами и широким спектром общественных организаций.

Интернет-партии как новый тип партийной организации (на примере Партии пиратов)

В современных условиях все более заметную роль в создании, развитии и функционировании политических партий играет интернет. Это связано прежде всего с расширением его аудитории, ростом политической активности пользователей, повышением значимости сетевых коммуникаций, возникновением новых проблем, способных сплотить пользователей. Общие подходы к решению этих проблем могут стать предпосылками активизации партийного строительства с использованием интернет-сетей. Этому в немалой степени способствует и упрощение процедуры регистрации политических партий, в том числе снижение требований к их численности.

Сегодня Россия занимает первое место в Европе по количеству интернет-пользователей (65 млн человек), с 2012 по 2014 г. их число увеличилось на 9 % (более 5 млн), более 80 % выходят в сеть каждый день, а 25 % — более чем с трех интернет-устройств, в т. ч. мобильных. Люди моложе 35 лет по-прежнему составляют более половины пользователей, но растет и доля старшего возраста.

В свое время один из основателей РСДРП В. Ленин указывал, что для создания политической партии необходима газета, выполняющая функции не только «коллективного пропагандиста, но и коллективного организатора». Применительно к современным условиям та-

ким коллективным пропагандистом и организатором могут служить также электронные сетевые средства коммуникации.

Если раньше партии создавались на основе выражения интересов больших социальных групп, то сегодня актуализируется партийное строительство вокруг частных проблем, выдвигаемых «виртуальными» группами с активным и даже преимущественным использованием сетевых и иных информационных технологий, поскольку такие проблемы способны повлиять на развитие общества в целом [Ирхин 2014: 23–42].

На проектирование и трансформацию политических идеологий влияют дифференциация политических процессов, кризис общесоциологических подходов («макронарративов») и другие факторы. Эти идеологии могут проектироваться под определенную проблему или общественную организацию [Ирхин 2013: 57–65] и эффективно использоваться в сетевых коммуникациях. К таковым относятся, в частности, концепты, связанные с различными аспектами свободы использования интернет-ресурсов — как ценностно-содержательным, так и правовым.

С этой точки зрения определенный интерес представляют идеологические и ценностные установки Интернет-партии Российской Федерации. ИПРФ декларирует приверженность идеям «электронной демократии»: «Цель Партии — при помощи Интернета объединить население, создав мощнейшую политическую силу в стране; направить весь потенциал пользователей Рунета на реальные, общественно-полезные дела; информатизировать Россию; защитить пользователей сети, их персональные данные и свободу в Интернете; дать возможность каждому быть услышанным» [Политическая партия...].

Кроме того, Интернет-партия РФ выступает за разработку «адекватного и современно-го» законодательства об интернете, включение «права на свободу в Сети» в число конституционных гражданских прав, введение электронного голосования, а также за то, чтобы сделать интернет-отчеты основной формой отчетности чиновников перед гражданами.

Среди прочих пунктов — включение в школьный курс информатики основ работы в интернете, предоставление массового доступа к сети воспитанникам детдомов и других социальных учреждений, обеспечение доступности и дешевизны высокоскоростного интернета в любой точке страны и пр.

Основными целями ИПРФ названы формирование общественного мнения; политическое образование и воспитание граждан; доведение мнений граждан по любым вопросам общественной жизни до сведения широкой общественности и органов государственной власти; выдвижение кандидатов на выборах всех уровней.

Интернет-партия РФ получила регистрацию в Минюсте 12 ноября 2012 г., однако затем столкнулась с кадровым голодом на местах. Предполагаемые кандидаты в руководство региональных отделений не были готовы нести личные финансовые издержки по регистрации и ведению отчетности. За год региональные отделения ИПРФ были зарегистрированы только в четырех субъектах РФ: Алтайском крае, Башкортостане, Тверской области и Республике Коми. Из-за нехватки зарегистрированных региональных отделений партия не была допущена к выборам 2013 г. После этого ИПРФ подала в Минюст документы на самороспуск, и 31 августа 2013 г. была ликвидирована. В настоящее время она действует как сетевая общественная организация.

Другой разновидностью интернет-партий являются т. н. пиратские партии.

Первая Партия пиратов была создана в 2006 г. в Швеции. Она выступает против существующего законодательства в области интеллектуальной собственности (патентов, копирайта) и за неучастие страны в международных организациях по защите авторских прав (ВОИС и ВТО). Причем партия не против авторских прав как таковых, но считает, что нужно разрешить неограниченный некоммерческий обмен объектами авторских прав, сохранив запрет на обмен коммерческий. Также она выступает за защиту приватности в интернете и повседневной жизни. В своей программе партия не касается иных тем, поэтому ее сложно

однозначно классифицировать как левую либо правую. Сама она декларирует приверженность «идеологии интеллектуальной собственности», входит в Пиратский Интернационал, близка к «зеленым» и Европейскому свободному альянсу.

Идею пиратской партии высказал Рикард Фальквинге в 2005 г. во время дебатов о законодательных изменениях в области авторского права. Несмотря на немалый общественный резонанс, дискуссия по этому поводу не привела к существенным результатам. О создании партии было сообщено 1 января 2006 г. — в этот день открылся ее сайт; появление новой партии с оригинальным названием широко обсуждалось в интернете. На сайте Партии пиратов был представлен план дальнейшего строительства ПП. Прежде всего она должна была собрать 2 тыс. подписей для регистрации в Шведской избирательной комиссии, причем сделать это уже к 4 февраля — чтобы успеть получить право на участие в ближайших парламентских выборах (27 сентября 2006 г.).

За первые несколько дней сайт партии посетило более 3 млн пользователей; сообщения о ней были опубликованы более чем в 500 англоязычных и 600 испаноязычных СМИ. Поддержку партии выразили многие потенциальные избиратели, в том числе, что особенно важно, более 3% мужского населения Швеции, впервые принимающего участие в выборах. Буквально за неделю было собрано 4 725 виртуальных подписей (при том, что обязательным условием было предоставление личных данных), в течение месяца необходимое число подписей было собрано и на бумаге. 10 февраля 2006 г. все было готово для подачи заявки на участие в выборах. Интересно, что членский взнос (5 шведских крон — примерно 22 рубля) можно было внести с помощью SMS. Значительный вклад в популяризацию партии и ее политической концепции за пределами Швеции сделал сайт Slasilot.

В дальнейшем партия должна была собрать средства на избирательную кампанию (с этой целью была организована кампания по сбору 1 миллион крон пожертвований — около 4 млн 400 тыс. рублей), выдвинуть кандидатов в парламент, создать отделения во всех городах Швеции с населением более 50 тыс., купить бюллетени¹ и т. д.

31 мая 2006 г. шведская полиция провела проверку серверов хостинга The Pirate Bay, дав партии повод для первого публичного выступления. 3 июня ПП организовала в Стокгольме и Гётеборге массовые акции протеста против действий полиции, впоследствии названные пиратскими демонстрациями. Кроме Партии пиратов в выступлениях участвовали молодежные организации Партии зеленых, Либеральной партии илевой партии. На несколько дней основной темой дискуссий в Швеции стала проблема авторского права и принципов распространения информации. После этого численность ПП выросла почти вдвое и составила около 4 тыс. человек.

Основными пунктами предвыборной платформы ПП стали право на свободную информацию и формирование правового государства.

На парламентских выборах 17 сентября 2006 г. Партия пиратов не преодолела проходного барьера, получив около 35 тыс. голосов (0,63 %) и заняв 9 место (если бы партия набрала как минимум 1 %, государство компенсировало бы ей затраты на печать бюллетеней, а в случае получения 2,5 %-ной поддержки выделило бы средства на следующую избирательную кампанию).

После выборов деятельность партии активизировалась, в частности, было создано молодежное крыло (Ung Pirat — Молодые пираты), оказавшееся крупнейшей молодежной политической организацией Швеции (22 тыс. членов). В новой версии программы партии (2008) больше внимания уделялось демократизации общества, формированию свободного рынка, гражданского общества и реализации права на информационную приватность. Все это способствовало росту популярности ПП.

¹ Если партия не зарегистрирована в Центральном избирательном управлении Швеции, она имеет право участвовать в выборах, заказав в ЦИУ бюллетени.

В феврале 2009 г. Партия пиратов активно поддержала владельцев хостинга The Pirate Bay, обвиненных в нарушении авторских прав на музыкальные произведения и подстрекательстве к противозаконным действиям других лиц и организаций. Четверо основателей и владельцев файлообменника (торрент-трекера) The Pirate Bay были приговорены к тюремному заключению и выплате материального ущерба на общую сумму 30 млн крон (3 млн евро)². После начала процесса число членов партии превысило 10 тыс. человек, и вскоре ПП вошла в тройку крупнейших партий страны. Правда, затем ее численность уменьшилась.

На прошедших 4–7 июня 2009 г. выборах в Европарламент Пиратская партия набрала в Швеции 7,1 % голосов, которые обеспечили ей одно депутатское место.

После подписания в ноябре 2009 г. «эрзац-конституции» Евросоюза — Лиссабонского договора — шведская Пиратская партия получила в Европарламенте второе место. Его заняла 22-летняя Амелия Андерсдоттер, став самым молодым депутатом Европарламента.

Основным электоратом партии являются интернет-пользователи, составляющие около 70% населения Швеции, в том числе студенты и пользователи пиринговых (децентрализованных) сетей. Большинство членов партии составляют мужчины в возрасте от 20 до 30 лет. Лидеры партии — Анна Троберг (переводчик, специалист по авторским правам), Кристиан Энгстрем, Фредрике Лантц, Бальдер Лингегорд, Мика Шёман, Йоаким Лундборг.

Кроме шведской Партии пиратов в европейских выборах 2009 г. участвовала также Пиратская партия Германии (лидер — Йенс Зайпенбуш), набравшая 0,9 % голосов. На региональных выборах в Гессене (2008) она получила 0,3 % голосов; на выборах в парламент земли Шлезвиг-Гольштейн (2009) — 1,8 %; на выборах в Бундестаг 27 сентября 2009 г. — 2 %.

На тот момент партия была крупнейшей из не вошедших в парламент ФРГ. В июне 2009 г. свои услуги ей предложил вышедший из СДПГ депутат Бундестага Йорг Таусс, чье присутствие в партийных рядах и обеспечило «пиратам» место в немецком парламенте. Кроме того, 18 сентября 2011 г. Пиратская партия Германии набрала 8,9 % голосов на выборах в городской парламент Берлина, получив в нем представительство.

Аналогичные партии имеются более чем в 30 странах. Официально зарегистрированы пиратские партии в Австрии, Болгарии, Великобритании, Германии, Дании, Испании, Люксембурге, Нидерландах, Польше, США, Финляндии, Франции, Чехии, Швейцарии, Швеции. Активно действуют, но не зарегистрированы — в Австралии, Аргентине, Бельгии, Белоруссии, Бразилии, Ирландии, Италии, Казахстане, Канаде, на Кипре, в Португалии, Румынии, Сербии, Словакии, Словении, Турции, Уругвае, Украине, Чили, Эстонии. В России Пиратская партия официально не зарегистрирована — ввиду отказа со стороны Минюста. В ее группе в сети «ВКонтакте» (http://vk.com/pp_ru) зарегистрировано 14 тыс. человек (сайт партии закрыт или недоступен).

В 2006 г. пиратские партии объединились в Пиратский Интернационал (Pirate Parties International), зарегистрированный в октябре 2009 г. в качестве неправительственной организации (NGO) в Бельгии. PPI поддерживает и координирует создание национальных пиратских партий, а также осуществляют внутреннюю связь между ними.

Основная цель пиратских партий всего мира — реформирование законодательства в области авторского права и патентов. Как правило, в программах пиратских партий содержится пункт об усилении защиты приватности как в интернете, так и в повседневной жизни, а также о прозрачности государственного аппарата. В Европе они предпочитают выступать единым независимым блоком. Кроме того, пиратские партии не возражают против нетрадиционной сексуальной ориентации.

Своя интернет-партия была создана в 2010 г. на Украине. Ее лидер Д.А. Голубов еще в 2008 г. зарегистрировал Всеукраинскую общественную организацию «Интернет Парламент», а 26 марта 2010 г., учредил и возглавил Интернет-партию Украины. В ее программе отмеча-

² Один из обвиняемых, Питер Сунде, приговоренный к восьми годам тюремного заключения, но скрывавшийся от правосудия, был арестован только в 2014 г.

ется: «Осознав перспективы Электронной Украины 21 века, Интернет партия Украины будет принимать активное участие в процессе формирования государства и общества нового времени — интерактивных компьютерных возможностей» [Программа Интернет-партии Украины]. 1 августа 2011 г. партия была официально зарегистрирована Министерством юстиции Украины, однако не смогла выполнить требование закона о создании необходимого количества отделений и 23 января 2013 г. была лишена регистрации.

Интернет-партия Украины пыталась участвовать в президентской кампании 2014 г. Кандидатом от нее был выдвинут замглавы ИПУ Дарт Алексеевич Вейдер (в миру Виктор Алексеевич Шевченко, 1956 г. р., образование среднее, электромонтер, место работы — Национальный университет пищевых технологий, проживает в Киеве). 26 марта партия внесла в ЦИК избирательный залог в размере 2,5 млн гривен (7,5 млн руб.). ЦИК отказала кандидату от ИПУ в регистрации по причине недостоверности его декларации об имуществе, доходах и расходах за 2013 г., непредставления им документов о месте проведения съезда партии, его рекомендовавшего, и т. п. Кандидат, использовавший имя персонажа фильма «Звездные войны», постоянно скрывал лицо под «космическим шлемом», что не давало возможности его идентифицировать. Некоторые депутаты Верховной Рады Украины предположили, что данная шоу-акция имела целью дискредитировать президентскую кампанию.

Итак, в последнее десятилетие появился новый, неклассический (или постклассический), тип партий, еще не воспринятый политологией. Это флеш-партии и политические сетевые организации с неопределенной структурой. Они быстро собираются и распускаются, легко трансформируются и даже иногда участвуют в выборах (хотя пока таких случаев немного). Эти образования являются скорее группами информационного давления, нежели партиями в традиционном понимании. Неслучайно большинство интернет-партий или не зарегистрированы, или не могут зарегистрировать на выборах своих кандидатов.

Интернет-партии формируются в основном вокруг вопросов, связанных с интеллектуальной собственностью, файлообменом, патентным правом и т. п. Многие члены этих партий придерживаются позиций инфоанархизма, игнорируют законы об авторских правах, выступают за отмену последних и абсолютную свободу интеллектуальной собственности и т. п.

В силу ряда причин интернет-партии не стали ни массовыми, ни сколько-нибудь признанными. Они выполняют иную функцию — субъектов современной инфополитики, которыми, в свою очередь, манипулируют лидеры и теньевые спонсоры. Задачи таких партий — хаотизация и театрализация политического пространства, выполнение мягко артикулируемых указаний лидеров «общественного мнения». Примечательно, что попытки распространить нормы закона о СМИ на активных блоггеров, имеющих ежедневную аудиторию более тысячи пользователей и по сути являющихся средствами массовой информации, вызвали резкие возражения представителей интернет-партий.

Трансформация партийно-политической системы ФРГ: старые проблемы и новые вызовы

Центральное место в политической системе ФРГ наряду с канцлером занимают партии. Их роль ясно и недвусмысленно обозначена в Основном законе страны: «Партии содействуют формированию политической воли народа» [Основной закон ФРГ 2003: 9]. Именно партии, избирая канцлера, депутатов Бундестага и глав земельных правительств, определяют направление внутренней и внешней политики. Поэтому изменения в партийной системе имеют огромное значение для Германии.

Выборы в Бундестаг 22 сентября 2013 г. стали своеобразным водоразделом в политической истории ФРГ. Не будет преувеличением сказать, что происходит переход от одной партийно-политической системы к другой, контуры которой только начинают обозначаться.

Наша основная цель — дать ответ на вопрос, что послужило «спусковым крючком» данной трансформации и каковы черты новой партийной системы.

Методология исследования основана на концепции «всеядных партий» (catch-all-party). В качестве материала для сравнительного анализа деятельности партий ФРГ во время парламентской кампании 2013 г. выбраны положение партий до и после выборов, их отношения с электоратом, программные установки, особенности избирательной кампании, коалиционный менеджмент, перспективы дальнейшего развития.

Прежде чем перейти к анализу выборов в Бундестаг, необходимо сказать несколько слов о партийной системе ФРГ и ее избирательном законодательстве. Большинство исследователей полагает, что к настоящему времени в Германии сложилась система умеренного плюрализма, основу которой составляют пять политических сил: блок консерваторов (Христианско-демократический союз и Христианско-социальный союз), левоцентристская Социал-демократическая партия Германии, либеральная Свободная демократическая партия, либертарно-экологистский «Союз 90/Зеленые» и прокоммунистическая партия «Левые». Выборы в парламент осуществляются по смешанной, мажоритарно-пропорциональной, системе: половина депутатов избирается в одномандатных округах, другая по партийным спискам. Немецкая избирательная система имеет такую особенность, как «избыточные» мандаты: «„Избыточные“ мандаты появляются в тех случаях, когда земельный список партии должен получить по результатам пропорционального распределения меньше мандатов, чем партия выиграла в одномандатных округах. В этом случае все выигранные в одномандатных округах мандаты остаются у победителей, а недостаток мандатов покрывается за счет увеличения числа депутатов в Бундестаге» [Любарев].

ХДС/ХСС: победа «неустойчивого большинства». Сентябрьские (2013) выборы в Бундестаг, без сомнения, стали триумфом для блока ХДС/ХСС и лично канцлера А. Меркель. После череды не слишком удачных избирательных кампаний христианские демократы сумели преодолеть кризис доверия и набрать «исторические» 41,5 %. В последний раз партия демонстрировала такой результат в 1994 г. Чем же объясняется это достижение и насколько прочным его можно считать?

Своей победой ХДС/ХСС обязан в первую очередь Ангеле Меркель. «У успеха одно имя. Победа ХДС/ХСС на выборах в Бундестаг в необычайно высокой степени объясняется популярностью Ангелы Меркель», — резюмировал «Кёльнер Штадт Анцайгер» [Kölner 2013]. И действительно, согласно социологическим опросам, действующий канцлер намного опережала по рейтингу своего основного оппонента Пеера Штайнбрюка (СДПГ) — ей отдавали предпочтение 50 % граждан, в то время как кандидату от социал-демократов — лишь 27 % [Umfrage Kanzlerwahl...]. Неслучайно один из лозунгов христианских демократов во время этой кампании прямо утверждал: «Второй голос — это голос за Меркель» [Листовка ХДС].

Секрет успеха канцлера кроется прежде всего в стиле управления — предельно прагматичном, надпартийном, гибком. «Ее председательский, кажущийся надпартийным стиль ярко проявился при поиске необходимого большинства (в парламенте. — *Прим. пер.*) в ходе кризиса еврозоны... Но как показали парламентские выборы 2013 г., большинство граждан приветствуют именно такой политический стиль, основанный на постоянной заботе» [Korte, Switek 2013: 8].

Другим фактором является хорошо организованная работа с общественностью и СМИ. Как отмечает Г. Ланггут, Меркель активно использует масс-медиа, в т. ч. интернет, для поддержания своего благоприятного имиджа [Langguth 2007: 435]. Даже скандалы вокруг членов ее кабинета Карла-Теодора цу Гуттенберга и Анетты Шаван³ не повредили репутации канцлера. Некоторые политологи не без оснований окрестили ее «тефлоновой».

³ Они были вынуждены были оставить свои посты после того, как их обвинили в плагиате.

Далее, что очень важно, за время существования христианско-либеральной коалиции позиция ХДС по ряду вопросов подверглась существенному пересмотру, в том числе благодаря усилиям Меркель. Изменения коснулись в первую очередь трех ключевых для ФРГ проблем: атомной энергетики, рынка труда и мигрантов.

Как отмечает С. Погорельская, «атомная энергетика изначально, с момента своего возникновения, получала мощную политическую поддержку ХДС» [Погорельская]. Именно христианские демократы были самыми стойкими противниками закрытия атомных электростанций. Однако после катастрофы на Фукусиме (2011) А. Меркель поменяла свою позицию на диаметрально противоположную, и в итоге «черно-желтая» коалиция приняла решение закрыть к 2022 г. все АЭС.

Отход от традиционной для консервативной партии программы проявился и в вопросе о минимальной заработной плате (Mindestlohn). До недавнего времени эта тема была визитной карточкой социал-демократов, но канцлер сумела перехватить у них инициативу, приняв решение о введении Mindestlohn⁴.

Однако главным индикатором перемен в ХДС стала новая политика в отношении мигрантов. Если во времена Г. Коля консерваторы настаивали на ограничении миграции (особенно из мусульманских стран) и сохранении гомогенности немецкого общества, то в период канцлерства А. Меркель ситуация начала меняться. Игнорировать мнение 10,9 млн мигрантов и их потомков, многие из которых являются гражданами Германии и вносят немалый вклад в развитие экономики и науки, означает потерять их электоральную поддержку. Именно этим можно объяснить, почему даже такие консерваторы, как, например, Вольфганг Шойбле, заговорили о налаживании диалога с диаспорами [Lau 2009: 133].

Результаты подобного «переформатирования» представляются неоднозначными. С одной стороны, отказ ХДС от основополагающих консервативных установок чреват потерей традиционных избирателей: «Немало убежденных христианских демократов из так называемых старых земель, в первую очередь из тех, где преобладают католики, покинули партию, чтобы продемонстрировать свой протест по отношению к позиции канцлера в вопросах христианской составляющей ХДС» [Погорельская]. Однако стремление сохранить традиционные принципы и ценности любой ценой грозит еще большими потерями, поскольку доля консерваторов внутри ХДС не превышает 15–20 %.

Перефразируя Л. Кэрролла, можно сказать, что христианским демократам придется кардинально пересмотреть свою политику по многим вопросам, чтобы сохранить за собой звание партии центра (Partei der Mitte), а для того, чтобы удержать власть, — «бежать вдвое быстрее». Пока Меркель и ее партии это вполне удается. Как свидетельствует статистика, на прошедших выборах консерваторы сумели улучшить свои позиции среди рабочих, женщин и жителей Восточной Германии [Jung, Schroth 2013: 18]. Кроме того, блок ХДС/ХСС смог в целом сохранить поддержку в юго-западных регионах (Бавария, Рейнланд-Пфальц, Баден-Вюртемберг), традиционно являющихся оплотом консерваторов.

Нельзя также не учитывать достаточно благоприятную экономическую конъюнктуру (сокращение безработицы, экономический рост), которая вкупе со стабилизацией еврозоны усилила позиции правящей партии.

Наконец, основные конкуренты ХДС/ХСС — СДПГ и «зеленые» — пребывают в затяжном кризисе и фактически не имеют альтернативной программы, что безусловно негативно отражается на их электоральных перспективах.

Указанные факторы и определили стратегию избирательной кампании ХДС/ХСС, стержнем которой стали ставка на популярность канцлера и отказ от серьезной дискуссии с оппонентами.

⁴ Закон о минимальной заработной плате был принят бундестагом 3 июля 2014 г.

Вместе с тем положение христианских демократов остается шатким, поскольку нынешняя внутривнутриполитическая ситуация в корне отличается от 1980-х годов, когда консерваторы на любых выборах могли рассчитывать как минимум на 40%. Успех была достигнут за счет объединения вокруг ХДС/ХСС различных социальных слоев, интересы которых подчас противоположны друг другу. При этом у ХДС по-прежнему имеются проблемы в крупных городах. Как заметил генеральный секретарь ХДС Петер Таубер, в партии слишком мало женщин, молодежи и мигрантов [TAZ 2014]. От того, удастся ли ХДС/ХСС и А. Меркель сохранить баланс между разными стратами, зависит результат консерваторов на следующих выборах. Кроме того, нужно учитывать такие факторы, как «текучесть» электората и снижение общей явки на выборы. Неясна также судьба основного союзника ХДС — Свободной демократической партии, не сумевшей на этот раз пройти в парламент. Впрочем, на ближайшее будущее проблема решена созданием «большой коалиции» с СДПГ.

Гораздо большую опасность для христианских демократов представляет недавно образованная правопопулистская «Альтернатива для Германии» (Alternative für Deutschland), которая едва не преодолела 5 %-ный барьер на выборах в Бундестаг, отняв у ХДС около 290 тыс. голосов. Таким образом, перед А. Меркель и генеральным секретарем ХДС Петером Таубером стоит достаточно сложная задача: не допустить дальнейшего усиления евроскептиков, избегнув при этом популистской риторики, на которую не скупятся лидеры «Альтернативы для Германии».

Однако главным для христианских демократов является вопрос, кто станет преемником Ангелы Меркель на посту лидера партии. Уход лидеров (Конрада Аденауэра и Гельмута Коля) в отсутствие достойной замены уже дважды ввергал ХДС в затяжной кризис. В качестве потенциальных преемников А. Меркель обычно называют министра обороны Урсулу фон дер Ляйн и премьер-министра земли Саар Аннегрет Крамп-Карренбауэр. Однако ни та ни другая пока не обладают ни популярностью Меркель в обществе, ни достаточным авторитетом внутри партии.

СДПГ: в поисках утраченной идентичности. Итоги выборов в Бундестаг 2013 г. еще раз подтвердили, что Социал-демократическая партия Германии находится в глубоком кризисе. И дело не столько в слабости избирательной кампании или в отсутствии ярких кандидатов (хотя и то и другое имело место), сколько в структурных изменениях, которые произошли в немецком обществе за последние 15–20 лет и к которым СДПГ была не готова.

Серьезные трансформации в экономике, в частности развитие сферы услуг и перевод производственных мощностей в развивающиеся страны, привели к сокращению рабочего класса в Западной Европе и США. Следствием этого стал глубокий кризис классической социал-демократии, вызвавший затяжные дискуссии внутри левых партий. «Бывшая социальная база их партий стала ассоциироваться с упадком, уходом в оборону и поражением, перестав служить надежным отправным пунктом...» [Крауч 2010: 86]. Перед СДПГ, так же как и перед ее главным соперником ХДС, встала дилемма: сохранять ли верность принципам, лишаясь шансов на возвращение во власть, или пытаться идти в ногу со временем.

Нет ничего удивительного в том, что социал-демократические партии начали праветь. Появление новых лейбористов с их идеей «третьего пути», новых демократов в США в 1990-е гг. или «reformisti» в Италии было логичным ответом на вызов времени. В ФРГ попытку преодолеть кризис предпринял Г. Шрёдер, выдвинувший в 1998 г. концепцию «новой середины» (Neue Mitte), которая должна была привлечь на сторону партии малый и средний бизнес. Однако проводимые «красно-зеленой» коалицией неолиберальные реформы оттолкнули традиционных сторонников, в первую очередь профсоюзы, и в то же время не смогли привлечь новые группы избирателей. После отставки Г. Шрёдера с поста бундесканцлера в партии усилились разногласия между «модернизаторами» и «традиционалистами».

Новая программа СДПГ (2007), провозгласившая курс на построение «демократического социализма», не помогла ни определению стратегического курса, ни восстановлению

единства партии. В ходе избирательной кампании 2013 г. социал-демократы не сумели найти тем, которые привлекли бы к ним симпатии граждан: «Все время прослеживалось стремление основательно раскритиковать европейскую политику Меркель, хотя с 1950-х гг. было известно, что партия, предлагающая серьезную альтернативную внешнеполитическую программу, не может выиграть выборы» [Tils, Raschke 2013: 23]. Более того, по многим вопросам (повышение пенсионного возраста, антикризисные меры) позиция СДПГ не сильно отличалась от той, которую занимали христианские демократы. «На деле, особенно после дрейфа при Шрёдере к „новой середине“ и четырехлетнего правления „большой коалиции“, — отмечает В.П. Иерусалимский, — линии ценностных и идейных расхождений и смыканий между партиями и внутри них гораздо более неопределенные, противоречивые, подчас с глубоким вторжением на „чужую территорию“» [Иерусалимский 2010, С. 4]. Это сделало профиль СДПГ неотчетливым и мало понятным рядовому избирателю и поэтому существенно уменьшило шансы социал-демократов на победу. Таким образом, главной проблемой партии, как и в случае с ХДС, стала необходимость выработки новой концепции, способной объединить различные группы населения.

Второй не менее сложной проблемой партии явилось отсутствие ярких политиков, пользующихся доверием однопартийцев и могущих бросить вызов действующему канцлеру. Это обстоятельство отчетливо проявилось в ходе избирательной кампании в Бундестаг и особенно в послевыборный период. Если А. Меркель поддерживали более 90 % однопартийцев, то представителя СДПГ П. Штайнбрюка — лишь 60%. Причина такого отчуждения заключалась не в некомпетентности или недостаточном политическом опыте Штайнбрюка, а в существенных расхождениях между основной массой членов партии и ее лидерами по ряду важных вопросов: «Он (Штайнбрюк. — *Прим. пер.*) агитирует за то, что ему очевидно не подходит. Его программа, нет, программа СДПГ представляет собой план создания государства, чье вмешательство будет сильнее, чем прежде...» [Der Spiegel. Steinbrück. 2013: 32].

Не будет преувеличением сказать, что правому кандидату от СДПГ противостоял левый электорат партии. Напряженность в отношениях верхов и низов в СДПГ дала о себе знать и после выборов, когда партийное руководство вынесло на обсуждение вопрос о создании «большой коалиции» с ХДС/ХСС. «Принятие решения членами СДПГ становится непредсказуемым риском. По всей стране противники союза ХДС и СДПГ проводят мобилизацию. „Большая коалиция“ может потерпеть поражение на старте из-за нескольких тысяч разъяренных „товарищей“» [Der Spiegel. Der Basis — Effekt. 2013: 20] — отмечал «Шпигель». Хотя в конечном итоге партийцы и одобрили создание «черно-красного» правительства, над социал-демократами по-прежнему дамокловым мечом висит проблема отсутствия харизматичных лидеров.

Третьей до сих пор нерешенной проблемой СДПГ является поиск новых союзников, которые помогли бы партии вернуть себе пост канцлера. Сложившийся в 1998 г. «красно-зеленый» альянс уже не способен завоевать парламентское большинство, поскольку «Союз 90/зеленые» постепенно сдает свои позиции. Неутешительные результаты выборов 2009 и 2013 гг. вынуждают некоторых лидеров СДПГ обратить взоры в сторону партии «Левые». Однако возможному созданию «красно-красно-зеленой» коалиции мешает ряд объективных обстоятельств. Во-первых, СДПГ и «Левым» придется искать консенсус по многим экономическим и социальным вопросам. Во-вторых, камнем преткновения в ходе возможных переговоров может стать отрицательное отношение сторонников Г. Гизи к НАТО и военным операциям бундесвера за границей.

Таким образом, в начале XXI века германская социал-демократия оказалась в состоянии глубокого кризиса, выхода из которого пока не видно.

СвДП: смерть демиурга. Если 2009-й был в ФРГ годом «малых» партий, то в 2013-м маятник качнулся в обратную сторону. По сравнению с предыдущими парламентскими выборами все три «малые» партии понесли существенные потери. Самой громкой сенсацией

выборов-2013 стал провал Свободной демократической партии — одной из старейших партий страны, получившей прозвище «делательница королей». Если в 2009 г. партия сумела добиться рекордных 14 %, то четырьмя годами позже она впервые в истории не смогла преодолеть 5 %-ный барьер и пройти в парламент. В чем же причины упадка некогда могущественной либеральной партии?

Прежде всего, своим успехом в 2009 г. свободные демократы были обязаны двум вещам: обещанию провести радикальную налоговую реформу в интересах бизнеса и поддержке части сторонников ХДС, разочаровавшихся в своей партии. Однако в условиях нарастающего экономического кризиса обещание снизить налоги было невыполнимо, и, разумеется, это вызвало массовое возмущение поверивших ему. Опрос социологического центра Infratest-Dimap отчетливо зафиксировал недовольство избирателей руководством СвДП. Около 90% респондентов заявили: 1) «Партия много обещала, но почти ничего не выполнила из обещанного», 2) «Слишком сильно заботится об интересах определенных групп», 3) «За последние годы ничего не достигла» [Dohms]. Нужно также учесть, что сторонники СвДП весьма прохладно отнеслись к политике христианско-либеральной коалиции по спасению еврозоны, т. е. к финансовой помощи пострадавшим от кризиса странам.

Невыполнение предвыборных обещаний и отсутствие свежих идей СвДП пыталась исправить путем радикальных кадровых перестановок. Вместо Г. Вестервелле председателем партии был избран Ф. Реслер. Однако ни ему, ни возглавившему избирательную кампанию СвДП Р. Брудерле не удалось предотвратить катастрофу.

И без того удручающее положение партии осложняется еще двумя обстоятельствами: ухудшением отношений с ХДС/ХСС, который в настоящее время все более склоняется к союзу с СДПГ или «зелеными», и появлением серьезного конкурента в лице «Альтернативы для Германии». Последняя вполне может стать альтернативой СвДП. В данном контексте будущее либералов выглядит довольно печальным⁵.

«Союз 90/зеленые» и «Левые»: между стагнацией и модернизацией. Неудача «зеленых», набравших вместо ожидаемых 15 % всего лишь 8,4 %, можно объяснить множеством причин. Требование отказаться от ядерной энергетики, составлявшее основу идейного багажа экологистов, было «украдено» А. Меркель. Новых идей, способных мобилизовать электорат, у партийного руководства не нашлось. Предложение ввести «вегетарианский день» (отказ от продажи в ресторанах и барах мясных блюд), а также обвинения в адрес партийных лидеров в поддержке педофилии еще более уронили имидж партии в глазах избирателя. Как и СДПГ, «зеленым» необходимо серьезно обновить свою программу, а также методы работы с населением.

Чуть в лучшем положении партия «Левые», которая, несмотря на потерю голосов, стала крупнейшей представительницей оппозиции в парламенте. Причина проста: у партии есть стабильный электорат на востоке страны, готовый проголосовать за нее при любой политической погоде.

«Альтернатива для Германии»: «калиф на час» или могильщик либералов? «Альтернатива для Германии», получившая на выборах в Бундестаг 4,7 %, буквально ворвалась в политическую жизнь ФРГ, спутав карты многим игрокам, а заодно заставив экспертов и журналистов изрядно поломать головы относительно причин своего неожиданного успеха. Какова же природа этой созданной буквально за несколько месяцев до выборов партии и насколько длинной будет ее политическая жизнь?

Триумф партии стоит на двух «китах»: острый экономический кризис, охвативший юг Евросоюза, и разочарование части избирателей в политике христианско-либеральной коалиции. Именно нежелание среднего класса оплачивать из своего кармана спасение Греции и других стран-банкротов, недовольство финансовой и миграционной политикой правитель-

⁵ Итоги выборов в Европарламент, на которых СвДП получила лишь 3,4 %, в очередной раз подтверждают этот вывод.

ства вкупе с его неспособностью обратить внимание на консервативный электорат и вдохнуть жизнь в «партию евроскептиков».

Кроме того, «Альтернатива для Германии», в отличие, скажем, от Партии пиратов, располагает достаточно привлекательной программой, в основу которой положены такие предложения, как выход страны из зоны евро и возвращение к национальной валюте, ужесточение миграционной политики, экономический либерализм. Все это делает партию весьма опасным конкурентом не только для СвДП, но и для ХДС/ХСС. Неудивительно поэтому, что после успехов евроскептиков на выборах в ландтаги Саксонии и Тюрингии⁶ снисходительное отношение христианских демократов к политическим новичкам сменилось замешательством и даже тревогой.

Партийная система ФРГ: quo vadis? Исходя из описанной картины, можно сделать следующие выводы.

В новой политической истории Германии начинается третий по счету цикл. Первый, охватывающий период с 1949 по 1982 г., характеризовался соперничеством между ХДС/ХСС и СДПГ, исход которого зачастую решали свободные демократы (система «двух с половиной партий»). Второй (1982–2005) был отмечен противостоянием двух лагерей — ХДС/ХСС/СвДП и СДПГ/«Зеленые».

Прежде всего, в новой партийной системе может увеличиться число партий, представленных в Бундестаге, — в этом плане весьма показателен прорыв «Альтернативы для Германии». В то же время не следует ожидать резкого усиления радикальных партий обоюго толка. Успехи Национального фронта во Франции, «СИРИЗЫ» в Греции, Партии независимости в Великобритании вызваны в первую очередь экономическим спадом, ростом безработицы, неспособностью правящих элит удержать контроль над ситуацией. По сравнению с погрязшей в кризисе южной частью еврозоны Германия являет собой образец стабильности: экономика развивается, а А. Меркель сохраняет популярность.

Вместе с тем наблюдается постепенный пересмотр традиционных союзов и соглашений. Этому способствует сглаживание различий между партиями и невозможность прийти к власти в рамках «традиционных» коалиций. Однако складывающиеся союзы, скорее всего, будут неустойчивы и краткосрочны. Если для предыдущих периодов было характерно достаточно длительное существование коалиций («социал-либеральная» коалиция 1969–82 гг., коалиция ХДС/ХСС и СвДП 1982–98 гг.), то сейчас ситуация иная. Выборы 2005, 2009 и 2013 гг. неизменно приводили к обновлению правящей коалиции, и есть все основания полагать, что в 2017 г. будет то же самое. На это работает не только увеличение количества борющихся за власть партий, но и рост числа граждан, не имеющих устойчивых политических предпочтений, а также эволюционные процессы внутри самих партий.

Практически все партии обречены на внутреннюю модернизацию и, как следствие, изменение партийных программ. При этом основной водораздел будет проходить не по идеологической линии, а по организационной, касающейся методов реализации выбранной политики. Во многом этому способствует сложившийся внутри политического класса либерально-консервативный консенсус, предполагающий проведение (нео)либеральных реформ в социально-экономической сфере.

«Партии власти» на постсоветском пространстве: Россия и Казахстан

После распада Советского Союза практически во всех постсоветских странах прошел так называемый парад многопартийности. В частности, в Российской Федерации в начале 1990-х гг. действовало около 120 партий. Однако спустя десятилетие их количество значи-

⁶ На этих выборах «Альтернатива для Германии» получила соответственно 9,7 % и 10 %.

тельно уменьшилось, и на политической арене ряда постсоветских государств, в том числе России и Казахстана, появились «партии власти».

Суть этого феномена заключается в том, что в законодательном процессе «партии власти» проводят решения правящей элиты, выполняя роль «машины для голосования». Как отметил А. Дегтярев, хотя «партия власти» может вносить коррективы в правительственные законопроект, участвовать в формировании правительства и контроле над ним она не может [Дегтярев 1998: 165].

Развитие партийных систем Российской Федерации и Казахстана привлекает внимание политологов многих стран. В фокусе научного интереса находятся прежде всего обстоятельства создания и институционализации партий, их электоральная активность, становление определенного типа партийной системы, возникновение «партий власти» и др. [Bowyer 2008].

Казахстанский политолог Д. Сатпаев, описывая политические процессы двух стран, заметил, что в некоторых отношениях, в том числе в области формирования многопартийности, они похожи как близнецы [Сатпаев 2008]. Близость и однонаправленность векторов развития этих процессов отмечают и российские исследователи [Макаренко 2008].

Задачей данного исследования является сравнительный анализ становления, развития и перспектив «партий власти» в России и Казахстане в 2000-х гг. Эти государства имеют не только общее прошлое, но и схожие траектории партийного развития. Мы сделаем попытку выделить как общие тенденции, так и специфику институционализации «партий власти» в двух странах.

Начнем с российского случая. «Единая Россия» была создана в 2001 г. путем объединения двух противоборствовавших участников парламентских выборов 1999 г. — Межрегионального движения «Единство» и «Отечества — Всей России» [Коргунюк 2009: 124]. Соединение их в одну партию ознаменовало победу федерального центра. Благодаря патронажу президента, сделавшего ее элементом конструкции властной вертикали [Становая 2005], «Единая Россия» и состоялась как «партия власти». Получив в 2003 г. конституционное большинство в Думе, «Единая Россия» стала самой крупной политической партией за всю современную историю РФ [Кармазина 2009: 133].

В январе 2010 г. один из основателей блока «Отечество — Вся Россия» Е. Примаков заявил: «Успех модернизации экономики в России во многом зависит от создания такой партийно-политической системы, которая помогала бы властям избегать ошибочных решений. Характерная черта такой системы — партийный плюрализм. Его нормальному развитию в России препятствуют два обстоятельства: жесткий контроль сверху, направляющий процессы партийного строительства, и административный ресурс, которым в несравнимо большей степени, чем другие партии, пользуется самая сильная из них, «Единая Россия»... Создание моноцентристской партийно-государственной системы даже при наличии на политическом поле многих партий блокирует демократический процесс» [Примаков б/г]. Эта констатация четко описывает институциональную роль «Единой России» в российской партийной системе [Макаренко 2011: 54].

Крупнейшая партия Казахстана — «Нур Отан» — основана по инициативе президента Н. Назарбаева. Ее созданию предшествовало формирование партии «Отан», объединившей Партию национального единства Казахстана, Демократическую партию Казахстана, Либеральное движение Казахстана и движение «За Казахстан–2030». Это было сделано во избежание возможного «размывания» голосов между пропрезидентскими партиями в преддверии выборов главы государства 1999 г. («Отан» создавалась на базе республиканского общественного штаба в поддержку Н. Назарбаева). Партия изначально имела явные преимущества перед соперниками в виде организационного, материального, кадрового, интеллектуального, информационного и пр. ресурсов. В дальнейшем она была публично поддержана Н. Назарбаевым, который с 1991 г. не отдавал особого предпочтения ни одной из действовавших в стра-

не политических структур. В 1999 г. он стал членом этой партии и ее председателем, после чего «Отан» приобрела статус «партии власти».

На выборах 1999 г. «Отан» серьезно опередила соперников по количеству полученных мандатов. Однако ее реальная институционализация началась с перерегистрации в соответствии с требованиями нового закона о политических партиях⁷. Как отмечает И. Искаков, «ужесточение требований к структуре и численности партий преследовало цель изменить партийный ландшафт в сторону партий, действительно поддерживаемых населением» [Искаков 2011: 231]. Проведя глубокую ревизию своего состава, партия, несмотря на присоединение Народно-кооперативной партии Казахстана и Республиканской политической партии труда, потеряла в численности, однако стала более сплоченной. Успех был закреплен триумфальной победой на выборах 2004 г., в основе которой лежали три фактора: стабильное развитие государства, поддержка со стороны президента и достаточно эффективные действия предвыборного штаба [Ашимбаев 2004].

После того как Н. Назарбаев инициировал в 2006 г. укрупнение пропрезидентского блока, поддержка «Отан» властью сменилась патронажем. В единую партию кроме «Отан» вошли Республиканская партия «Асар», Аграрная партия Казахстана и Гражданская партия Казахстана. Обновленная структура была переименована в Народно-демократическую партию «Нур Отан», а ее численность достигла почти 1 млн человек (при численности населения страны в 15 млн). Включив в свою фракцию депутатов объединившихся партий, «Нур Отан» получила в парламенте конституционное большинство [Кармазина 2009: 133].

Таким образом, в 2003–04 гг. в обоих государствах обозначилась тенденция к формированию системы с «партией власти», в которой, несмотря на формальное наличие демократических процедур и конкуренции, одна и та же партия регулярно побеждает на выборах и доминирует во властных структурах.

Общим для развития многопартийности в Российской Федерации и Казахстане является также переход на пропорциональную систему на выборах в нижние палаты парламентов — Государственную Думу и Мажилис, утвержденный внесением изменений в закон о выборах депутатов Госдумы (2005) в России и конституционной реформой (2007) в Казахстане. Сходство подкрепляется установлением 7 %-го заградительного барьера и отменой порога явки. Также в обоих государствах было запрещено создание предвыборных блоков [Конституционный закон...; Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы...»].

В Казахстане необходимость этих изменений объяснялась желанием усилить роль партий и повысить репрезентативность парламента (президент Казахстана обещал при этом, что «партия большинства» будет нести ответственность за действия правительства) [Официальный сайт Президента Республики Казахстан], а в России — необходимостью развивать межпартийную конкуренцию и ограничить применение административного ресурса и влияние на кандидатов лоббистских группировок. Президент РФ заявил также, что депутаты-одномандатники не учитывают общенациональных интересов, ориентируясь на интересы своего округа [Послание Федеральному Собранию... 2007].

В результате в обеих странах произошло существенное укрепление позиций «партий власти». В политической жизни Казахстана изменений в среднесрочной перспективе ожидать не приходится, поскольку, несмотря на формальное представительство в парламенте оппозиционных сил, их влияние на политический процесс невысоко. КНПК и «Ак Жол» не представляют угрозы для монополии доминирующей партии, и «Нур Отан» будет следовать прежнему курсу без учета их мнения.

⁷ Он сохранил основные положения закона, однако ввел ряд существенных новаций: партия должна была насчитывать не менее 50 тыс. членов и иметь отделения во всех областях страны численностью не менее 700 человек каждое; суд получал право ликвидировать политическую партию, если она в течение десяти лет или двух парламентских кампаний подряд не принимала участия в выборах.

Что касается России, то здесь также нет недостатка в системных препятствиях на пути развития многопартийности, в первую очередь это усиление президентских полномочий и отсутствие работающего механизма разделения властей. Введение пропорциональной системы на федеральном уровне и смешанной на уровне субъектов РФ уменьшило влияние региональных элит на законодательный процесс, доведя установление контроля центральной власти над ним до логического конца.

Можно констатировать, что в обоих случаях введение пропорциональной системы при формально заявленной цели способствовать развитию многопартийности исказило суть политических партий и избирательного процесса. Несмотря на официально продекларированное намерение демократизировать и модернизировать систему, оно привело к ужесточению цензов и усилению контроля над партийной конкуренцией.

Законодательные новации ознаменовали новый этап в развитии «партий власти» в России и Казахстане, институционализировав многопартийную систему с доминирующим актором. В обеих странах этот процесс имел свою специфику.

Конституционная реформа 2007 г. в Казахстане закрепила президентско-парламентскую форму правления. Была введена норма, в соответствии с которой президент назначает премьер-министра только после консультаций с парламентскими фракциями и с согласия большинства депутатов; премьер-министр представляет «партию большинства», а правительство должно реализовывать ее программу. В России подобная законодательная норма отсутствует, и формальное правление ЕР обставлено иначе. На состоявшемся в апреле 2008 г. съезде «Единой России» в устав партии были внесены поправки, разводящие посты председателя партии и председателя ее Высшего совета, которые в то время совмещал Б. Грызлов, а также разрешавшие занимать пост председателя партии беспартийному (им стал В. Путин, несколько позже возглавивший правительство страны) [Морякова 2008].

Весьма важны для сравнительного анализа «партий власти» России и Казахстана их отношения с другими партиями.

Одни исследователи называют в качестве главного конкурента «Нур Отан» Общенациональную социал-демократическую партию (как олицетворение внепарламентского большинства), другие — Национально-демократическую партию, третьи же не исключают появления второй «партии власти» [Кармазина 2009: 136] (отношения НО с Демократической партией Казахстана «Ак Жол» и Коммунистической народной партией Казахстана считаются достаточно «мирными»).

Чтобы сгладить негативные последствия доминирования одного игрока, в 2007 г. при Мажилисе была учреждена Общественная палата, призванная давать рекомендации парламенту по рассматриваемым законопроектам. В нее были приглашены представители политических партий и общественных организаций, но практически все оппозиционные партии приглашение проигнорировали. По инициативе Общенациональной социал-демократической партии и под ее эгидой в противовес ОП была создана неформальная структура — народный парламент («Халык кенеси»), в который вошли представители партий, общественных объединений, НПО, профсоюзов и пр. Однако совместная работа оппозиционных организаций не удалась.

В России создание «Справедливой России» (октябрь 2006 г.) в некоторых кругах было воспринято как появление оппозиционной «партии власти» [Справедливая Россия...]. Впрочем, спустя недолгое время всем стало ясно, что это не оппозиция, а сателлит «Единой России» [Мартыанов, 2007: 19]. Единственной, на наш взгляд, оппозиционной партией в стране является КПРФ, однако и она не имеет возможности сколько-нибудь серьезно конкурировать с «партией власти».

Таким образом, рассматривая взаимоотношения «партий власти» РФ и РК с другими партиями, можно констатировать, что и там и здесь у них нет равных по силе оппонентов, но

есть своеобразные симулякры оппозиции, не способные (и не желающие) реально противостоять доминирующей линии.

Характерной особенностью «Единой России» и «Нур Отан» является то, что, будучи опорой бюрократии, они нацелены главным образом на сохранение статус-кво, а не на развитие институтов.

Таким образом, можно отметить, что с начала 2000-х гг. в развитии партийных систем обоих государств возникло определенное сходство (в период после распада Советского Союза такового не наблюдалось). Как в России, так и в Казахстане реализована модель партийной системы с «партией власти», обладающей конституционным большинством и не имеющей серьезных конкурентов.

Однако если в Казахстане пропорциональная система на парламентских выборах исправно служит интересам власти и ее партии, то в России кампания 2011 г. оказалась для «Единой России» менее удачной: партия набрала всего 49,3 % голосов и едва обеспечила себе простое большинство — 238 мест. Если падение популярности «Единой России» продолжится, то на следующих парламентских выборах она может не получить и этого. Перед лицом этой угрозы руководство страны вновь сделало ставку на одномандатников, вернув смешанную систему выборов в Госдуму. Как и в 2003 г., такой подход может обеспечить «Единой России» не только простое, но и конституционное большинство — независимо от результатов выборов по партийным спискам [Кому выгодна реформа избирательной системы...].

Особенности взаимоотношений исполнительной и законодательной властей оказывают существенное влияние на развитие политических партий и партийную конкуренцию. «Партия власти» в этих отношениях играет роль приводного механизма, обеспечивающего управление политическим процессом. Личная популярность президентов России и Казахстана не только способствовала укреплению властных институтов в целом, но и помогла «партиям власти» сохранить доминантное положение.

Роль президента как гаранта успеха «партии власти» очевидна. Однако если в Казахстане Н. Назарбаев является одновременно главой государства и лидером «Нур Отан», то в России сложилась традиция беспартийности президента. «Конституция не запрещает президенту быть членом какой-либо партии, но по духу того, что у нас сложилось в политической жизни, все-таки президент — это консолидирующая фигура для всех политических сил, для всех граждан страны», — заявил в свое время В. Путин [Кречетников 2012]. Президенты России и Казахстана — харизматичные политические лидеры, а оказываемая ими поддержка — определяющий фактор в победе «партий власти» на выборах. Такой тандем выгоден как главам государств, так и партиям. Связка «лидер–партия» позволяет президентам проводить через законодательные органы свою политическую линию, экстраполируя на партии свой рейтинг.

Каковы перспективы «партий власти» России и Казахстана?

По данным Левада-центра, в 2013 г. «Единая Россия» заметно утратила популярность у населения. Число граждан, считавших «Единую Россию» реальной политической силой, снизилось с 74 % в июле 2011 г. до 34 % к июню 2013 г. За тот же период с 17 до 47 % выросло число россиян, видящих в ЕР не более чем «марионеточную структуру, управляемую из Кремля». Относительное большинство (47 %; в 2011 г. — 22 %) считает, что партия неспособна на свежие идеи [Левада-центр: «Единая Россия...» 2013].

Конечно, рейтинг — не абсолютный показатель перспектив партии, но его изменения все же указывают на некую тенденцию. На наш взгляд, российской «партии власти» будет непросто набирать более 50 % голосов в следующем избирательном цикле. Нельзя также исключать появления конкурентоспособной структуры, каковой, например, может стать Общероссийский народный фронт (ОНФ). В мае 2011 г. В. Путин назвал целью этой организации формирование «широкой коалиции общественных сил для выработки и реализации долгосрочной программы развития общества». ОНФ создавался не на базе «Единой России», хоть

и по инициативе ее председателя — В. Путина (тогда еще премьер-министра). Его пресс-секретарь Д. Песков тогда же отметил: «Это надпартийная [структура], это не на базе партии, это скорее вокруг Путина — автора этой идеи. Талантливые люди из других политических сил, общественных объединений, которые не имеют отношения к „Единой России“, тоже должны иметь возможность принимать непосредственное участие в жизни страны, в руководстве страной. В рамках Народного фронта они смогут использовать тот властный инструментарий, который есть у „Единой России“» [Песков].

Некоторые аналитики считают ОНФ клоном «Единой России», создаваемым В. Путиным на случай ее окончательной дискредитации [Филин]. Однако превращение ОНФ в очередную «партию власти» пока представляется маловероятным. В частности, Т. Становая отмечает: «Во-первых, даже намек на попытку построения на основе ОНФ новой партии спровоцирует быструю и необратимую эрозию „Единой России“. А она обеспечивает власти большинство в парламенте. Может ли Кремль сейчас брать на себя такие риски и разрушать собственную „вертикаль“? Во-вторых, партия — относительно жесткая структура, требующая принятия программы, избрания лидеров, формирования аппарата и т. д. Кого звать в ОНФ в качестве первых лиц? Отбирать лучших из ЕР? Но какой же это будет пример для остальных лояльных единороссов, которые будут попросту „слиты“ в угоду новым политическим запросам власти? Создание партии — слишком рискованный и опасный вариант для Кремля, при котором можно очень быстро разрушить уже имеющиеся ресурсы. А новые инструменты не обязательно окажутся более эффективными для управления политическим пространством. Да и ОНФ в такой ситуации рискует превратиться во вторую «Единую Россию» — со всеми вытекающими имиджевыми последствиями» [Становая б/г].

Таким образом, очевидно, что российская «партия власти» постепенно утрачивает политическое значение. Если в середине 2000-х гг. можно было хотя бы надеяться, что «Единая Россия» когда-нибудь станет правящей партией и ее роль в проведении политического курса будет более определенной, то сегодня уже ясно, что эта мечта неосуществима.

Что касается перспектив «Нур Отан», то в партийной системе Казахстана серьезных сдвигов в обозримом будущем не предвидится. Поддерживая правительственные реформы, партия утрачивает право и возможность позиционироваться в качестве выразителя интересов всего народа. А это неизбежно ведет к значительному снижению общественной поддержки. Но при отсутствии реальной конкуренции «Нур Отан» и на следующих парламентских выборах без труда сохранит конституционное большинство в Мажилисе. Однако в условиях мирового экономического кризиса правительство рано или поздно будет вынуждено пойти на непопулярные реформы, следствием чего станет поляризация социальных интересов. И в такой ситуации «партии власти» будет сложно демонстрировать идейный плюрализм, чтобы удержать под контролем все сегменты электората. Соответственно, появятся и будут расти шансы на появление сильной оппозиционной партии, вооруженной лозунгами справедливости. Пока же, в условиях доминирования одной партии и практического отсутствия оппозиции, полемику с властями о справедливости ведут главным образом неправительственные организации.

Институциональные новации в партийной и избирательной системе Украины в 2012–14 гг.⁸

Для социумов, переживающих становление новых политических институтов, исключительно важны институциональные новации, в том числе в области партийного и избирательного законодательства. Сужая круг имеющихся альтернатив, институциональный выбор определяет «коридор» возможного развития. Не менее важно при этом, во-первых, кто яв-

⁸ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00110.

ляется субъектом институционального выбора, а во-вторых, какой характер этот выбор придает политической конкуренции.

Опираясь на положения исторического неинституционализма, мы попытаемся проанализировать, как новации в партийной и избирательной системе повлияли на трансформацию политического режима Украины в 2010–14 гг. Случай этой страны интересен помимо всего прочего тем, что выборы 2012 и 2014 г., проводимые в условиях одной и той же институциональной среды, но в совершенно разных политических условиях, привели к абсолютно несхожим результатам.

Общий политический контекст. На протяжении последних 15 лет украинский политический процесс представлял собой серию внутриэлитных пактов, каждый из которых, по замыслу, должен был способствовать переходу от «игры с нулевой суммой» к «борьбе по правилам». Однако постоянное стремление одной из сторон вернуться к статус-кво приводило к возобновлению конфликта и в итоге — к новому внутриэлитному соглашению. Получив власть, элитные группировки использовали для ее удержания как формальные, так и неформальные институты. Конституционная реформа 2004 г., ограничившая полномочия президента⁹, не повлекла за собой ожидаемого рассредоточения власти между конкурирующими группировками. Правительство «большой коалиции» («Наша Украина» + Партия регионов) развалилось, после чего «бело-голубая» часть элиты начала монополизировать власть, шаг за шагом отбирая у президента значимые полномочия.

В сентябре 2010 г., через несколько месяцев после победы В. Януковича на президентских выборах, Конституционный суд страны отменил закон 2004 г. о политической реформе [Рішення Конституційного Суду України...]. Он вызывал раздражение и у предыдущего президента, однако В. Ющенко отменить его не мог — прежде всего из-за отсутствия общественной поддержки. Но В. Янукович, добившись формирования парламентской коалиции, а затем и коалиционного правительства во главе с Партией регионов, немедленно восстановил Конституцию 1996 г., заявив, что изменения 2004 г. вносились в Основной закон «поспешно, в угоду политическому моменту» и «были причинами постоянных конфликтов во власти» [Звернення Президента України...]. Таким образом, Украина вновь стала президентализированной президентско-парламентской республикой, в которой парламент лишен права формировать правительство.

Общий институциональный контекст. Деятельность украинских политических партий долгое время регулировалась законами об общественных организациях. До определенного момента элита не видела в партиях сколько-нибудь важных субъектов политического процесса. Нормативная база, позволяющая партиям стать такими субъектами, формировалась крайне медленно.

Украинский закон о политических партиях был принят, как и в России, в 2001 г., однако накладывал на их деятельность гораздо меньше ограничений и не предоставлял им государственного финансирования. Причиной тому была невозможность установить выгодные доминирующему актору правила без согласия других участников игры — в силу отсутствия парламентского большинства. После того же, как в 2007 г. Конституционный суд страны отменил положение о необходимости сбора 10 тыс. подписей в поддержку создания партий [Рішення Конституційного Суду України... 2007], исчезли последние ограничения на их минимальную численность.

Полицентризм украинского политического режима не дал сложиться институциональным предпосылкам для возникновения доминирующей партии. Закон о партиях не способствовал также консолидации партийной системы и уменьшению числа политических партий, которых к 2014 г. стало 228 (табл. 1).

⁹ Реформа была результатом «пакетного соглашения», предусматривавшего проведение «третьего тура» президентских выборов 2004 г. в обмен на сокращение с января 2006 г. полномочий вновь избранного главы государства.

Таблица 1.

Количество политических партий Украины в 1999–2014 гг. [Політичні партії].

Год	Количество политических партий
1999	40
2002	65
2006	126
2011	188
2012	202
2014	228

Реформа избирательной системы 2011 г. и результаты выборов 2012 г.

Другим направлением институциональных трансформаций в электоральной сфере стала реформа избирательной системы: в стране был осуществлен переход от смешанной несвязанной системы (пропорционально-мажоритарной системы относительного большинства) к пропорциональной.

Этот феномен следует рассматривать в контексте конституционной реформы 2004–06 гг., которая была результатом неформальной сделки двух групп элиты, заключенной с многочисленными нарушениями действующего законодательства. Переход к выборам полностью по партийным спискам должен был способствовать развитию политической конкуренции и препятствовать концентрации административного ресурса в руках правящей элиты — считалось, что кандидаты-одномандатники подконтрольны прежде всего губернаторам, которые, в свою очередь, назначались президентом. После реформы 2006 г. правящая элита утратила контроль над округами, что позволило оппозиционной Партии регионов получить большинство мест в парламенте.

С избранием В. Януковича на президентский пост (2010) наметился поворот к ограничению политической конкуренции. В 2011 г. было принято решение о возвращении к смешанной несвязанной (мажоритарно-пропорциональной) системе, при которой одна половина Верховной Рады формировалась по партийным спискам, а другая избиралась в одномандатных округах. Свою роль в этом сыграло стремление Партии регионов компенсировать возможное уменьшение своего парламентского представительства за счет одномандатников (ситуация напоминала 2002 год, когда парламентское большинство также было сформировано благодаря депутатам, избранным по мажоритарной системе¹⁰).

Оппозиция настаивала на внесении в законопроект ряда поправок. В частности, она добивалась, чтобы 300 депутатов избирались по пропорциональной системе, а 150 — по мажоритарной, а также требовала сохранить возможность создания избирательных блоков и снизить как минимум на 1 % заградительный барьер. В целом же оппозиция выступала за сохранение прежнего закона о выборах, который «был проверен на выборах 2006–2007 гг. и был признан демократическим как в стране, так и международной общественностью» (Р. Князевич) [Стенограмми пленарних засідань...]. Однако после согласительных процедур в специальной временной комиссии ее представители согласились голосовать за законопроект, аргументируя свое решение следующим образом: «Оппозиция оказалась перед ограниченным выбором: либо смешанная система с масштабными фальсификациями, как это планировала власть, либо закон, который дает обществу шанс на демократические выборы. Мы выбираем второй вариант» (Н. Мартыненко) [Там же].

¹⁰ Подробнее об этом на примере российских выборов см.: Голосов 2005; Любарев 2013.

При этом представители оппозиции подчеркивали, что смешанная система, включающая пропорциональную с закрытыми списками, — это «наихудший вариант, о котором можно было думать. Она сохранила унаследованные от предыдущей системы негативные стороны, коррупцию в партийных структурах. Она сохранила власть денег. Она фактически прекратила партийное строительство...» [Там же] (И. Заяц).

Из других важных новаций в избирательном законодательстве следует упомянуть запрет на создание избирательных блоков и повышение с 3 до 5 % голосов порога прохождения партий в Верховную Раду. При формировании участковых избирательных комиссий Партия регионов активно вводила в них представителей малых партий, не являющихся реальными субъектами избирательного процесса, но поддерживающих правящую партию. Эти меры также были направлены на ограничение политической конкуренции и консолидацию партийной системы.

По итогам выборов 2012 г. Партия регионов получила 30% голосов по партийным спискам (72 депутатских места, или 16 %). При этом в одномандатных округах она завоевала почти вдвое больше мандатов — 113. Кроме того, во фракцию Партии регионов вошли 22 самовыдвиженца (из 42), бывших на тот момент беспартийными или представлявших другие партии.

Всего во фракцию Партии регионов вошло 207 депутатов (46 %). Оппозиционная партия «Батькивщина» получила 25 % голосов по спискам (62 места) и вместе с одномандатниками сформировала фракцию из 101 депутата (22% мест в Верховной Раде; в 2013 г. фракция уменьшилась до 90 депутатов, т. е. до 20 %) [Народні депутати України...]. Кроме того, в Верховную Раду прошли Коммунистическая партия, «УДАР» и «Свобода».

Итоги выборов укрепили позиции коалиции Партии регионов и Коммунистической партии Украины, созданной в Верховной Раде еще в 2010 г. и обеспечившей правящей элите «контрольный пакет» (что касается правительства, то де-факто оно сменилось сразу после президентских выборов, хотя Конституция в редакции 2004 г. предполагала отставку кабинета только после парламентской кампании). В противовес ей была сформирована неустойчивая оппозиционная коалиция «Батькивщины», «УДАРа» и «Свободы».

В целом представительство Партии регионов в парламенте оказалось очевидно завышенным, а оппозиции — наоборот, заниженным. Индекс диспропорциональности Рэя по сравнению с выборами 2007 г. вырос почти в три раза — с 2,28 до 6,4 (табл. 2).

Таблица 2.

Соотношение голосов и депутатских мест, полученных партиями по итогам парламентских выборов 2012 г. [Відомості про підрахунок]

Политическая партия	Доля голосов, полученных по партийным спискам (%)	Доля мест в парламенте (%)
Партия регионов	30	46
Всеукраинское объединение «Батькивщина»	25,6	22
«УДАР (Украинский Демократический Альянс за Реформы) Виталия Кличко»	14	8,9
Коммунистическая партия Украины	13,2	7,1
Всеукраинское объединение «Свобода»	10,4	8,4

Таким образом, Партия регионов полностью монополизировала политическое поле, не оставив оппозиции шансов на значимые посты. Институциональные новации закона о выбо-

рах депутатов Рады, инициированного в 2011 г. Партией регионов, полностью выполнили свою функцию, закрепив доминирование правящей партии.

Избирательный цикл 2010–12 гг. стал переходным от многопартийности к системе с «протодоминирующей» партией. Важнейшее отличие от прежнего состояния заключалось в том, что впервые в парламенте доминировала не оппозиционная, а правящая партия (табл. 3). В результате парламент перестал ограничивать деятельность исполнительной власти.

Таблица 3.

**Доля голосов, полученных победителем парламентских выборов в 1994–2014 гг.
[Відомості про підрахунок...]**

Год	Победившая партия	Доля голосов (%)
1994	Коммунистическая партия Украины (оппозиционная)	18,9
1998	Коммунистическая партия Украины (оппозиционная)	24,7
2002	Наша Украина (оппозиционная)	23,6
2006	Партия Регионов (оппозиционная)	32,1
2007	Партия регионов (оппозиционная)	34,4
2012	Партия регионов (правящая)	30
2014	Народный фронт / «Блок Порошенко» (правящая)	22,1 / 21,8

Трансформация избирательной и партийной систем в 2014 г.

После событий февраля 2014 г. актуализировался вопрос о трансформации избирательной и партийной системы. Будучи кандидатом в президенты, П. Порошенко обещал приложить все усилия, чтобы «провести в 2014 г. парламентские выборы исключительно на пропорциональной основе с открытыми списками» [Жити по-новому...]. Став президентом, он в августе 2014 г. распустил парламент с очевидной целью создать новое, пропрезидентское, парламентское большинство.

В ходе обсуждения в Раде нового избирательного закона предлагались разные варианты: возвращение к полной пропорциональности, изменение соотношения пропорциональной и мажоритарной частей избирательной системы, переход к пропорциональной системе с открытыми списками. Ни один из них не получил поддержки большинства. Преобразование избирательной системы, которое могло бы реально повысить конкурентность и легитимность выборов, не было реализовано. Выборы в Верховную Раду восьмого созыва проходили по той же схеме, что и в 2012 г. (смешанная несвязанная система с закрытыми списками).

При этом институциональные рамки партийной и избирательной систем остались практически неизменными. Законы о партиях и о выборах подверглись лишь технической правке.

Характерно, что почти сразу после победы на президентских выборах П. Порошенко воссоздал партию «Солидарность», долгое время существовавшую лишь формально. Партия была образована при его участии в 2000 г. и вошла в блок В. Ющенко «Наша Украина», после 2004 г. фактически бездействовала, не принимая участия в выборах. В августе 2014 г. она переименовалась в «Блок Порошенко», а ее председателем был избран Ю. Луценко [Партия «Солидарность» приняла решение...].

Таким образом, дала о себе знать традиция наполнять пустые партийные «оболочки» представителями правящей элиты и превращать полученный продукт в претендента на роль «партии власти». После смены власти такая партия, как правило, утрачивает свой статус, це-

ликом зависящий от патронажа главы государства¹¹. Новое название партии подчеркнуло, что это не институционализируемая политическая сила, а личная клиентела президента — наподобие «Нашей Украины» В. Ющенко и Партии регионов В. Януковича. Следует обратить внимание, что в названиях и многих других партий содержатся имена лидеров: партия «УДАР» Виталия Кличко, Партия Сергея Тигипко «Сильная Украина», «Радикальная партия Олега Ляшко» и др., что свидетельствует о низкой идеологической составляющей предвыборной борьбы.

Значимым событием, повлиявшим на парламентскую кампанию 2014 г., явился роспуск фракции КПУ в Верховной Раде, что существенно ограничило представительство партии в окружных избирательных комиссиях. Партия регионов в выборах не участвовала, однако ряд ее бывших лидеров в качестве беспартийных кандидатов вошли в список Оппозиционного блока, а С. Тигипко возглавил список «Сильной Украины» (кроме того, многие члены ПР баллотировались в качестве самовыдвиженцев в одномандатных округах).

Среди других особенностей этой кампании, не связанных с институциональным дизайном, следует упомянуть образование Народного фронта во главе с А. Яценюком, в который вошли многие представители действующего кабинета министров и руководства Верховной Рады (ранее большинство из них принадлежали к «Батькивщине» Ю. Тимошенко), и, конечно, неучастие в выборах почти 4 млн избирателей в Донецкой и Луганской областях, а также в Крыму — регионах, многие годы служивших основной электоральной базой Партии регионов и Компартии.

По итогам парламентских выборов 2014 г. в Верховную Раду прошли шесть партий. При этом три из них еще полугодом ранее либо вообще не существовали (Народный фронт), либо существовали лишь на бумаге («Блок Петра Порошенко» и «Самопомощь»); в сумме они набрали почти 55 % голосов [Відомості про підрахунок голосів виборців...]. Существенной особенностью выборов–2014 стало примерно равное количество голосов, полученное списками Народного фронта и «Блока Петра Порошенко», а также поражение КПУ и радикально-националистической «Свободы» О. Тягнибока¹². Во второй раз в новой истории Украины парламентское большинство было сформировано не оппозицией, а правящей коалицией (Народный фронт, «Блок Петра Порошенко», «Самопомощь», «Батькивщина» и Радикальная партия Олега Ляшко; всего 344 депутата, т. е. конституционное большинство) [Офіційний веб-портал Верховної Ради України...].

По сравнению с предыдущими циклами ослабел электоральный раскол по регионам, а по сравнению с майскими президентскими выборами усилились протестные настроения: в пяти областях юго-востока страны победил Оппозиционный блок, еще в двух он занял второе место. В некоторых округах (например, в Мариуполе), число голосов, отданных за оппозицию, достигло 61 % [Відомості про підрахунок голосів виборців...].

Выборы 2014 г. проходили в условиях фрагментации партийной системы. Резко возросло (по сравнению с 2012 г.) число участников выборов и доля голосов, отданных за партии, не прошедшие в парламент, что говорит о неконсолидированном характере партийной системы. О том же свидетельствует и существенное уменьшение числа партийных кандидатов-одномандатников. С другой стороны, значительно снизился индекс диспропорциональности Рэя, что говорит о более справедливой конвертации голосов в депутатские мандаты.

Эффективное число парламентских партий по формуле М. Лааксо и Р. Таагеперы¹³ было максимальным за всю историю выборов начиная с 1998 г. Предыдущий максимум был достигнут в 2002 г. (табл. 4).

¹¹ Подтверждением этому являются политические биографии В. Пустовойтенко, В. Медведчука, В. Литвина и В. Януковича и истории возглавляемых ими партий: НДПУ, СДПУ(о) и Партии регионов Украины.

¹² Отметим, что при прежнем, 3 %-ном, электоральном пороге и «Свобода», и КПУ получили бы места по партийным спискам.

¹³ См., например, Laakso, Taagepera 1979.

Таблица 4.

Эффективное число парламентских партий на Украине¹⁴

Год	
1998	4,01
2002	5,17
2006	3,41
2007	3,3
2012	3,55
2014	6,22

Результаты трансформации партийной системы (2012–14)

В этот период партийная система Украины эволюционировала от многопартийности с протодоминирующей партией к фрагментированной многопартийности без доминирующей партии (табл. 5).

Таблица 5.

Характеристики избирательной и партийной систем Украины в 2007–14 гг.

	2007	2012	2014
Количество мест в парламенте	450	450	450
Тип избирательной системы	Пропорциональная	Смешанная несвязанная (225+225)	Смешанная несвязанная (225+225)
Общее количество политических партий	128	188	228
Количество политических партий, принимавших участие в выборах	20	22	44
Количество политических партий, сформировавших фракции в парламенте	5	5	6
Число голосов, полученных победившей партией (%)	34,4	30	22,1
Число мест в парламенте, полученных победившей партией (%)	38,9	46	18,44 ¹⁵
Число голосов, отданных за партии, не прошедшие в парламент (%)	11,4	6,9	22,5
Конкурентность в одномандатных округах (среднее количество кандидатов на 1 мандат)	0	11,8	14,8
Доля кандидатов в одномандатных округах, выдвинутых политическими партиями (%)	0	56,6	39,2

¹⁴ Рассчитано автором по формуле М. Лааксо–Р. Таагеперы.

¹⁵ Имеется в виду Народный фронт, набравший больше всех голосов по пропорциональной системе. «Блок Порошенко», занявший второе место на выборах по партийным спискам, сформировал тем не менее крупнейшую фракцию — 32,2 % от общего количества мест.

Проходной барьер (%)	3	5	5
Эффективное число парламентских политических партий	3,3	3,55	6,22
Индекс диспропорциональности Рэя	2,28	6,4	3,75

Партийная система, после выборов 2012 г. тяготеющая к консолидированности, вновь претерпела трансформацию: появился ряд новых важных игроков, а ряд прежних, напротив, утратил субъектность. Главную роль в этом сыграли институциональные новации 2011–12 гг. и смена президента в 2014 г. В 2012–14 гг. правящая элита Украины стремилась ограничить политическую конкуренцию методами институциональной инженерии, причем постоянно меняя правила игры. Последние пересматривались перед каждым выборами, а новый закон о выборах в Верховную Раду был принят менее чем за год до начала избирательной кампании.

Возврат в 2012 г. к смешанной системе лишил партии статуса исключительных субъектов политического процесса и создал нормативную базу для деятельности беспартийных и внефракционных депутатов. Кроме того, выборы 2007 г. показали, что в условиях неконсолидированной партийной системы полный переход на голосование по спискам ведет к усилению коррупционной составляющей в избирательном процессе и повышению «стоимости» депутатского мандата (неслучайно в Верховной Раде заседает много миллионеров и даже несколько миллиардеров). Иными словами, пропорциональная система резко повышает значение партий-клиентел, не имеющих собственной субъектности. Важный статус таких партий в сочетании с известным качеством их «содержимого» очень плохо соответствует принципам демократической конкуренции.

Украинской правящей элите так и не удалось создать систему с доминирующей партией по типу российской, и помешал этому не мифический «демократизм» властной элиты, а ее сильная фрагментированность и глубокие размежевания в украинском обществе (в том числе по региональному признаку), которые невозможно отменить политическими решениями. Именно поэтому власти приходится договариваться с другими участниками политического процесса (чаще всего неформально), что препятствует установлению политического моноцентризма.

Заключение

В 2012–14 гг. избирательная система Украины не претерпела существенных изменений, менялась только политическая ситуация. Трансформация режима и ослабление административного давления при сохранении прежней электоральной формулы привели к более адекватной конвертации голосов в депутатские мандаты.

Консолидация партийной системы в 2010–12 гг., в результате которой на доминирующие позиции выдвинулась коалиция Партии регионов и Компартии, была прервана в результате событий 2014 г. и радикального реструктурирования партийного спектра. В результате партийная система стала более конкурентной, конвертация голосов в мандаты — более адекватной; эффективное число парламентских партий возросло почти в два раза. С другой стороны, налицо тенденция к фрагментации и деинституционализации партийной системы и, как следствие, отказ кандидатов от партийной идентификации и рост числа «потерянных» голосов, т. е. отданных за не прошедшие в парламент партии.

Таким образом, можно констатировать, что партийная система Украины вступила в период новой нестабильности, который, не исключено, закончится новой трансформацией. Коалиционная политика партий в Верховной Раде может как способствовать, так и препятствовать консолидации партийной системы, а результаты всего этого могут быть самыми неожиданными — вплоть до роспуска парламента.

Шагом вперед к консолидации партийной системы могло бы стать введение пропорциональной системы с открытыми списками.

Наконец, серьезным фактором трансформации партийной системы остается ситуация в Донецкой и Луганской областях. В случае возвращения под контроль украинской власти территорий самопровозглашенных ДНР и ЛНР электоральная база ряда политических партий существенно увеличится.

Ашимбаев Д. 2004. Политические итоги парламентских выборов. — ЦКТ «Репутация». — 6 октября 2004 г. — Доступно: <http://www.kazbio.info/?S=35>. — Проверено: 15.09.2018.

Відомості про підрахунок голосів виборців по загальнодержавному багатомандатному виборчому округу Вибори народних депутатів України 28 жовтня 2012 року. — *Центральна виборча комісія України*. — Доступно: <http://cvk.gov.ua/pls/vnd2012/wp300ad94.html?PT001F01=900>. — Проверено: 15.09.2018.

Відомості про підрахунок голосів виборців по загальнодержавному багатомандатному виборчому округу. Позачергові вибори народних депутатів України 26 жовтня 2014 року. — *Центральна виборча комісія України*. — Доступно: <http://cvk.gov.ua/pls/vnd2014/wp300pt001f01=910.html>. — Проверено: 15.09.2018.

Голосов Г.В. 2005. Сфабрикованное большинство: конверсия голосов в места на думских выборах 2003 г. — *Полис. Политические исследования*. — № 1. — С. 108–119.

Дегтярев А.А. 1998. *Основы политической теории*. — М.: Высшая школа.

Дзоло Р. 2010. *Демократия и сложность*. — М.: ГУ–ВШЭ.

Жити по-новому! Передвиборна програма кандидата на пост Президента України Петра Порошенка. — *Центральна виборча комісія України*. — Доступно: <http://www.cvk.gov.ua/pls/vp2014/wp001>. — Проверено: 15.09.2018.

Иерусалимский В.П. 2010. Правоцентристский сегмент партийно-политической системы ФРГ в процессе ее общей трансформации. — *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. — № 2.

Ирхин Ю.В. 2013. Методология анализа классических, проектируемых и манипулятивных политических идеологий. — *Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций: М-лы X Международной науч. конф.* / редкол.: А.П. Логунов, О.В. Гаман-Голутвина, М.Н. Грачев, Ю.В. Ирхин, Н.А. Борисов. В 2 ч. Ч. 1. — М. — С. 57–65.

Ирхин Ю.В. 2014. Постмодернистская методология анализа и проектирования политики. — *Вестник РГГУ. Сер. Политология. Социально-коммуникативные науки*. — № 1. — С. 23–42.

Искаков И. 2011. Электоральные процессы и особенности развития политических партий в Казахстане. — *Теория и практика общественного развития*. — № 3.

Кармазина Л. 2009. Сравнительный анализ институционализации партийных систем Казахстана и России. Часть 2. — *Центральная Азия и Кавказ*. — № 1.

Кин Дж. 2001. *Демократия и гражданское общество: о трудностях европейского социализма, перспективах демократии и проблеме контроля над социально-политической властью* / Пер. с англ. — М.: Прогресс-Традиция.

Кому выгодна реформа избирательной системы? — *Центр научной политической мысли и идеологии*. — Доступно: <http://rusrand.ru/actuals/komu-vygodna-reforma-izbiratelnoj-sistemy>. — Проверено: 15.09.2018.

Конституционный закон «О выборах в Республике Казахстан» от 28 сентября 1995 года N 2464.

- Коргунюк Ю. 2009. Уничтожение субъектности. «Единая Россия» как партийная организация: становление и инволюция. — *Полития*. — № 1.
- Крауч К. 2010. *Постдемократия* / Пер. с англ. Эдельмана Н.В. — М.: ГУ-ВШЭ.
- Кречетников А. *Лидер без партии: «царь», «символ» или «гарант»?* — Доступно: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2012/05/120502_russia_parties_putin.shtml. — Проверено: 15.09.2018.
- Звернення Президента України до народу 01.10.2010. — *Президент України Віктор Янукович: офіційне Інтернет-представництво*. — Доступно: <http://www.president.gov.ua/news/18335.html>. — Проверено: 15.09.2018.
- Левада-центр: «Единая Россия» — марионеточная структура*. — Доступно: <http://www.baltinfo.ru/2013/07/09/Levada-tcentr-Edinaya-Rossiya-marionetochnaaya-struktura-365815>. — Проверено: 15.09.2018.
- Листовка ХДС «Zweitstimme ist Merkel-Stimme»*. — Доступно: http://www.cdu.de/sites/default/files/media/dokumente/flugbl_wahlrecht_090913_0.pdf. — Проверено: 15.09.2018.
- Любарев А. *Сравнение германской и российской избирательных систем*. — Доступно: http://e-notabene.ru/lr/article_10131.html. — Проверено: 15.09.2018.
- Любарев А.Е. 2013. Пропорциональная и смешанная избирательные системы на региональных и муниципальных выборах в Российской Федерации: проблемы «сфабрированного большинства». — *Вопросы права и политики*. — № 8. — С. 65–118.
- Макаренко Б. 2008. Посткоммунистические страны: некоторые итоги трансформации. — *Полития*. — № 3.
- Макаренко Б. 2011. Постсоветская партия власти: «Единая Россия» в сравнительном контексте. — *Полис. Политические исследования*. — № 1.
- Мартьянов В. 2007. Многопартийная партия власти. — *Неприкосновенный запас*. — № 3.
- Морякова Т. *Путин возглавит «Единую Россию»*. — Доступно: <http://www.utro.ru/articles/2008/04/15/730941.shtml>. — Проверено: 15.09.2018.
- Народні депутати України. — *Офіційний веб-портал Верховної Ради України*. — Доступно: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/site2/p_deputat_list. — Проверено: 15.09.2018.
- Основной закон ФРГ*. — М., 2003.
- Офіційний веб-портал Верховної Ради України*. — Доступно: <http://iportal.rada.gov.ua/meeting/stenogr/show/5719.html>. — Проверено: 15.09.2018.
- Официальный сайт Президента Республики Казахстан*. — Доступно: http://www.akorda.kz/ru/page/page_memleket-basshysy-nursultan-nazarbaev-parlament-palatalarynyn-birlesken-oty-gysyn_1348723528. — Проверено: 15.09.2018.
- Партия «Солидарность» приняла решение о переименовании в «Блок Петра Порошенко»*. — Доступно: <http://interfax.com.ua/news/political/220197.html>. — Проверено: 15.09.2018.
- Песков: Народный фронт задумывается как объединение «вокруг Путина»*. — Доступно: <http://ria.ru/politics/20110506/371593502.html#14006912680933&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration>. — Проверено: 15.09.2018.
- Погорельская С. *Христианская партия для всех немцев*. — Доступно: <http://expert.ru/expert/2012/37/hristianskaaya-partiya-dlya-vseh-nemtsev>. — Проверено: 15.09.2018.
- Політичні партії. — *Державна реєстраційна служба України*. — Доступно: <http://www.drsvu.gov.ua/party>. — Проверено: 15.09.2018.
- Политическая партия «Интернет Партия Российской Федерации»*. — Доступно: <http://minjust.ru/taxonomy/term/214?theme=minjust>. — Проверено: 15.09.2018.
- Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств*. — М., 2007..

Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 26 апреля 2007 года. — Доступно: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/04/26/1156_type63372type63374type82634_125339.shtml. — Проверено: 15.09.2018.

Примаков Е. *Россия перед выбором.* — Доступно: http://nvsaratov.ru/nvrubr/?ELEMENT_ID=1255. — Проверено: 15.09.2018.

Программа Интернет-партии Украины. — Доступно: <http://ipu.com.ua/page/Programma>. — Проверено: 15.09.2018.

Рішення Конституційного Суду України 12 червня 2007 року № 2-рп/2007. — *Законодавство України: Офіційний веб-портал Верховної Ради України.* — Доступно: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/v002p710-07>. — Проверено: 15.09.2018.

Рішення Конституційного Суду України от 30 вересня 2010 року № 20-рп/2010. — *Офіційний веб-портал Верховної Ради України.* — Доступно: <http://zakon1.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=v020p710-10>. — Проверено: 15.09.2018.

Сатпаев Д. *Пока президенты России и Казахстана запускают интеграционные проекты на постсоветском пространстве, их партийные фавориты наводят мосты в своем формате.* — М., 2008. — Доступно: <http://www.zakon.kz/kazakhstan/60713-poka-prezidenty-rossii-i-kazakhstana.html>. — Проверено: 15.09.2018.

Справедливая Россия. Российская политическая партия. — Доступно: <http://lenta.ru/lib/14167480>. — Проверено: 15.09.2018.

Становая Т. *ОНФ: фантом новой партии власти.* — Доступно: <http://www.imrussia.org/ru/politics/430-arpf-phantom-of-a-new-ruling-party>. — Проверено: 15.09.2018.

Становая Т. 2005. Что такое «партия власти» в России? — *РИА «Новости».* — 8 июня 2005 г. — Доступно: <http://www.rian.ru/analytics/20050608/40488891.html>. — Проверено: 15.09.2018.

Стенограми пленарних засідань Верховної Ради України. Дев'ята сесія Верховної Ради України шостого скликання (вересень 2011 – січень 2012 року), засідання тридцять третє, 17 листопада 2011 року. — *Офіційний веб-портал Верховної Ради України.* — Доступно: http://static.rada.gov.ua/zakon/skl6/9session/STENOGR/17111109_33.htm. — Проверено: 15.09.2018.

Уэрта де Сото Х. 2008. *Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция.* — М.

Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 18 мая 2005 года. № 51-ФЗ.

Филин В. *ОНФ. Клон «Единой России» 2.0 (часть 1).* — Доступно: http://communitarian.ru/publikacii/politika/onf_klon_edinoj_rossii_20_chast_1_18062013. — Проверено: 15.09.2018.

Фурман Д. 2004. *Постсоветский политический режим Казахстана.* — М.: Огни.

Фурман Д. 2010. *Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем.* — М.: Весь мир.

Хайек Ф. фон. 2006. *Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики.* — М.: ИРИСЭН.

Хайек Ф. фон. 2009. *Судьбы либерализма в XX веке / Пер. с англ.* — М.

Bowyer A. 2008. *Parliament and political parties in Kazakhstan.* — Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program.

Der Spiegel. *Der Basis — Effekt.* — 2013. — № 48.

Der Spiegel. *Steinbrück.* — 2013. — № 38.

Dohms H.-R. *Warum die FDP scheiterte?* — Доступно: <http://www.tagesschau.de/wahl/fdp820.html>. — Проверено: 15.09.2018.

Giddens A. 1998. *The third way: the renewal of social democracy.* — Cambridge.

Fitzpatrick T. 2003. *After the new social democracy: social welfare for the twenty-first century.* — Manchester.

- Jung M., Schroth Y., Wolf A. 2013. Angela Merkels Sieg in der Mitte. — *Aus Politik und Zeitgeschichte. Beilage zur Wochenzeitung Das Parlament*. — № 63 (48-49).
- Junisbai B. 2005. Democratic choice of Kazakhstan: A case study in economic liberalization, Intra-elite cleavage, and the political opposition. — *Demokratizatsiya*. — Washington, D.C. — Vol. 13. — N 3.
- Kölner Stadt Anzeiger. *Der Erfolg trägt den Namen Merkel*. 22.09.2013. — Доступно: <http://www.ksta.de/bundestagswahl-2013/wahl-analyse-der-erfolg-traegt-den-namen-merkel,23500486,24404788,view,asTicker.html>. — Проверено: 15.09.2018.
- Korte K-R., Switek N. 2013. Regierungsbilanz: Politikwechsel und Krisenentscheidungen. — *Aus Politik und Zeitgeschichte. Beilage zur Wochenzeitung Das Parlament*. — № 63 (48-49).
- Laakso M., Taagepera R. 1979. "Effective number" of parties: a measure with application to West Europe. — *Comparative Political Studies*. — Vol. 12. — № 1.
- Langguth G. 2007. *Angela Merkel. Biografie*. — München.
- Lau M. 2009. *Die letzte Volkspartei. Angela Merkel und die Modernisierung der CDU*. — München: Deutsche Verlags-Anstalt.
- Meyer T., Hinchman L.P. 2007. *The theory of social democracy*. — Cambridge: Polity.
- Przeworski A. 1986. *Capitalism and social democracy*. — Cambridge.
- Reuter O., Remington T. 2009. Dominant party regimes and the commitment problem: The Case of united Russia. — *Comparative political studies*. — Beverly Hills, Calif. — Vol. 42. — N 4.
- Smyth R. 2002. Building state capacity from the inside out: Parties of power and the success of the president's reform agenda in Russia. — *Politics & Society*. — Los Altos, Calif. — Vol. 30. — N 4.
- TAZ. Pragmatischer Fundamentalist*. 06.09.2014. — Доступно: <http://www.taz.de/!145461>. — Проверено: 15.09.2018.
- Tils R., Raschke J. 2013. Strategie zählt. — *Aus Politik und Zeitgeschichte. Beilage zur Wochenzeitung Das Parlament*. — № 63 (48-49).
- Umfrage Kanzlerwahl 50 Prozent für Merkel, 27 Prozent für Steinbrück*. — Доступно: <http://www.finanzen.net/nachricht/aktien/Umfrage-c-50-Prozent-fuer-Merkel-27-Prozent-fuer-Steinbrueck-2669598>. — Проверено: 15.09.2018.